

О ВОЙНЕ

КАРЛ ФОН
КЛАУЗЕВИЦ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Военно-историческая коллекция

Карл фон Клаузевиц
О войне

«Издательство АСТ»

УДК 355.4
ББК 68.0

фон Клаузевиц К.

О войне / К. фон Клаузевиц — «Издательство АСТ»,
— (Военно-историческая коллекция)

ISBN 978-5-17-114273-5

За два достаточно бурных в военном отношении последних столетия фамилия «Клаузевиц» давно уже перекочевала в разряд имен едва ли не нарицательных, а это, наверное, лучше всего и подводит итоги его научной деятельности. Труды Клаузевица представляют собой чуть ли не уникальную попытку на основе актуального и пропитанного личным опытом политизированного материала создать сухой военно-исторический, рациональный и лишенный политической мифологии (насколько это вообще возможно) обзор. «О войне» представляет собой, несомненно, блестящий опыт аналитики текущих событий, (почти) лишенный магии имен и лозунгов, написанный без типичных ошибок и предубежденности очевидца. На суд читателя представлены избранные главы из труда «О войне», сопровождаемые предисловием и исчерпывающими комментариями. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 355.4
ББК 68.0

ISBN 978-5-17-114273-5

© фон Клаузевиц К.
© Издательство АСТ

Содержание

Предисловие	7
Карл Клаузевиц: Два века восприятия	7
Жизнь и судьба Карла Клаузевица	10
Оценки последователей и потомков	16
Особенности представленного издания	18
Часть первая. Природа войны	20
Глава первая. Что такое война?	20
1. Введение	20
2. Определение	20
3. Крайняя степень применения насилия	20
4. Цель – лишить противника возможности сопротивляться	22
5. Крайнее напряжение сил	22
6. Мера действительности	22
7. Война никогда не является изолированным актом	23
8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени	23
9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного	25
10. Действительная жизнь вытесняет крайности и отвлеченные понятия	25
11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план	25
12. Этим еще не объясняются паузы в развитии войны	26
13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда, казалось бы, может быть только у одной стороны	27
14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям	27
15. Здесь следовательно выдвигается принцип полярности (диаметральной противоположности)	28
16. Нападение и оборона – явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним неприменима	28
17. Действие полярности уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии войны	28
18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку	29
19. Частые паузы в развитии военных действий еще более удаляют войну от абсолюта, еще более ставят ее в зависимость от оценки обстановки[13]	29
20. Таким образом, чтобы обратить войну в игру, нужен лишь элемент случайности, но в нем никогда недостатка нет	30
21. Война обращается в игру не только по своей объективной, но и субъективной природе	30

22. В общем, это часто находит отклик в духовной природе человека	30
23. Война, тем не менее, всегда остается нешуточным средством для достижения серьезной цели. Ближайшее ее определение	31
24. Война есть продолжение политики, только иными средствами	31
25. Виды войны	32
26. Все виды войны могут рассматриваться как политические действия	32
27. Последствия такого взгляда для понимания военной истории и для основ теории	32
28. Вывод для теории	33
Глава вторая. Цель и средства войны	34
Глава третья. Военный гений	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Карл фон Клаузевиц

О войне. Избранное

© Ланник Л.В., предисловие, комментарии

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

Карл Клаузевиц: Два века восприятия

За два достаточно бурных в военном отношении последних столетия фамилия «Клаузевиц» давно уже переключалась в разряд имен едва ли не нарицательных, а это, наверное, лучше всего и подводит итоги его научной деятельности. Конечно, оттенков его славы достаточно много (ведь его именем называли казармы, газеты, улицы, корабли, институты...), а многие эпитеты далеко не бесспорны, но масштаб эффекта его трудов не осмеливался отрицать даже самый ярый из критиков и его самого, и проклиняемого по обе стороны Атлантики прусско-германского милитаризма. Вероятно, самым логичным следствием этого является то, что спустя существенное время после того, как военная угроза со стороны Германии после двух мировых войн стала безусловно неактуальной, отношение к, казалось бы, хорошо известному военному теоретику стало меняться. Настороженное и вместе с тем деловитое внимание к тезисам клаузевицевской военной теории, вызванное вполне практическими потребностями познания наиболее вероятного противника, сменилось в конце концов отношением к нему лишь как классика стратегической мысли, которому настала пора занять место в ряду политически нейтральных мудрецов прошлого, рядом с Сунь-Цзы или по соседству с Макиавелли. Следующим шагом в этом направлении стали ссылки на клаузевицевские принципы и цитаты из него в руководствах по маркетингу и на бизнес-тренингах. Можно заметить, что за популяризацией всегда идет вульгаризация идей, но даже в таком случае последнее лучше, нежели полное их забвение.

Вероятно, почти любой, кто давал себе труд интересоваться военно-политическими темами, сможет сравнительно точно процитировать знаменитое: «Война – есть продолжение политики иными средствами», положив конец дискуссии этой многократно апробированной формулировкой. На основании этого стремления к восприятию Клаузевица вне его прежней славы, ранее безмерно преувеличиваемой, особенно в Германской империи и в Третьем рейхе, и была предпринята попытка издать не весь главный труд великого пруссака, – весьма объемный и все же ориентированный на пристально интересующихся военной историей наполеоновской эпохи, – но только те его главы и части, что касаются не имеющих локального или специализированного содержания теоретических выкладок. Коротко говоря, насколько это возможно, в данной книге приводятся те фрагменты и главы, которые выискивает читатель, желающий теории, стратегических приемов и принципов, не сводимых исключительно к деталям военного дела, а потому вынужденный в полной версии нетерпеливо пролистывать длинные курсы в детали кампаний Бонапарта, мало что говорящие нашему современнику и названиями, и фамилиями, и тем более авторскими полунамёками.

Труды Клаузевица представляют собой чуть ли не уникальную попытку на основе актуального и пропитанного личным опытом политизированного материала создать сухой военно-исторический, рациональный и лишенный политической мифологии (насколько это вообще возможно) обзор. «О войне» представляет собой несомненно блестящий опыт аналитики текущих событий, (почти) лишенный магии имен и лозунгов, написанный без типичных ошибок и предубежденности очевидца. При этом Клаузевиц отнюдь не равнодушен, хотя впоследствии ему даже слишком многое приписывали – например, пристрастие к агрессии, хотя он значительно больше внимания уделял обороне. К сожалению, довольно часто при попытке описать заслуги прусского теоретика забывают указать, что он внес важнейший вклад в разъяснение современникам и потомкам того, что нет универсальных рецептов и неизменных «геометрических» правил, по которым гарантирована победа. Разумеется, такое способны понять далеко

не все, в том числе и те, кто также полагали себя военными теоретиками. И тем не менее, достойные ученики нашлись: в знаменитой впоследствии формуле одного из создателей Германской империи Мольтке-старшего – «Стратегия есть система опор» – видится парафраз рассуждений Клаузевица.

К. Вах. Портрет К. фон Клаузевица

Хочется надеяться, что Клаузевиц не покажется отечественному читателю менее удобным или понятным чтивом, нежели книги других классиков стратегии и геополитики. Основание к этому дает тот факт, что при всех неизбежных особенностях восприятия всякого немецкоязычного теоретического труда именно этот автор был России далеко не чужд, а и история изучения его трудов в России восходит аж к 1836 г. Таким образом, внимание Петербурга трак-

тат «О войне» привлек почти сразу же после его выхода в свет¹. Любителям альтернативной истории вполне можно развлечь себя сюжетом, как бы сложилась военная история последних двух веков, в частности ход Первой мировой войны, проживи Клаузевиц чуть дольше, чтобы поспособствовать продвижению своей доктрины, или останься он на русской службе в 1814 г., или если бы ценивший его Николай I все же избрал в качестве главного авторитета для офицеров основанной им Академии Генерального штаба именно менее титулованного пруссака, защищавшего Россию в 1812 г. Но вместо Клаузевица выбор пал на небесспорного по личным своим качествам, да и по военным талантам швейцарца Жомини, перешедшего на службу к Александру I лишь из рвения к очередным званиям и наградам, да еще когда военная удача уже отвернулась от Наполеона, с которым этот честолюбец сполна испытал трагедию Великой армии. При всех достоинствах русского офицерства императорской армии нет никаких сомнений в том, что на стойкость его, боевой дух, инициативу и умение держаться в лихую для Отечества годину пример Клаузевица повлиял бы как никакой иной. Однако судьбе было угодно распорядиться так, что прусская военная мысль долгое время воспринималась через знаменитое «ди эрсте колонне марширт...» в «Войне и мире» Толстого, – а справедливости ради надо отметить, что при герое, произносящем эти фразы, Клаузевиц действительно состоял некоторое время. Политическое и стратегическое содержание трудов Клаузевица в нашей стране заставил пристально изучать лишь высоко ценивший его (вслед за Марксом и особенно Энгельсом) Ленин, но в совершенно иную эпоху. Дальнейшая же история восприятия клаузевицевской теории в Советском Союзе заслуживает отдельной монографии, впрочем уже упомянутой в сноске, так что к ней остается лишь перенаправить заинтересовавшихся. Что же касается биографий Клаузевица, то и их на русском языке отнюдь не много², а авторства русскоязычного писателя, по-видимому, до сих пор нет вовсе. Это при том, что конечно же недостатка в солидных исследованиях об этом деятеле на иностранных языках (и немецком, и английском и т. д.) нет, но в современных условиях нечасто решаются на перевод толстенных томов. Разумеется, есть большое количество статей, раскрывающих детали жизни и деятельности Клаузевица, особенно на службе России, но в монументальный труд они пока не вылились...

¹ См., подр.: *Rose O.* Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Rußland und der Sowjetunion 1836–1991. München, 1995.

² До сих пор актуальным остается перевод работы Ф. Франца: *Франц Ф.* Перо и меч. Карл Клаузевиц и его время. М., 1956.

Жизнь и судьба Карла Клаузевица

При всем желании абстрагироваться от частных деталей, безусловно необходимо дать хотя бы краткий обзор жизни и деятельности этого великого военного теоретика, чтобы читателю он не казался ни кабинетным ученым, ни абстрактным любителем военной истории, ни сторонним наблюдателем великих событий, который позволяет себе их столь уверенно разбирать. Даже в самых общих рассуждениях Клаузевица выдаются особенности его биографии, перипетии судьбы его страны, да и всей Европы, а потому, чтобы не лишиться всех результатов его теоретических разработок, читатель просто обязан учитывать ту призму, через которую смотрел на мир этот великий пруссак.

Карл Клаузевиц родился в позднефридриховской Пруссии в 1780 г. в семье чиновника, претендовавшего на дворянскую приставку «фон», которую он получил фактически присвоив и далеко не с первой попытки. Узавленное родовое самолюбие будет преследовать Клаузевица почти всю жизнь, что роднит его с одним из тех, кого называли идейным наследником и практиком его теорий – Э. Людендорфом. Лишь в 1827 г. дворянство военной династии Клаузевицей наконец станет бесспорным. Честолюбие отца, участвовавшего в Семилетней войне и растившего сыновей в преклонении перед Фридрихом Великим, а также его вполне прусское убеждение в том, что главным способом приобрести положение в обществе является военная служба, привели к тому, что и младшего своего сына, вслед за двумя старшими, ставшими впоследствии генералами, он отдал в армию в 12 лет. Поэтому Клаузевица вполне оправданно можно считать участником едва ли не всех антифранцузских коалиций, куда вступала Пруссия. Он принял участие в одной из первых кампаний против революционной Франции, участвуя в боевых действиях под Майнцем уже в 1793 г.

После того, как по Базельскому миру 1795 г. Пруссия на долгое время отказалась от активной борьбы против Франции, полк Клаузевица вернулся к мирному распорядку службы, а к тому времени уже получивший звание офицера юноша смог заняться образованием, которое до того было у него в лучшем случае начальным. В 1801 г. ему удалось поступить в только что открытое военное училище в Берлине, где он заручился покровительством будущего великого реформатора прусской армии и ветерана антифранцузских кампаний Г. фон Шарнхорста. В течение следующих трех лет молодой офицер приобрел необходимые познания и кругозор, вышел на новый уровень интеллектуального развития, не без влияния трудов И. Канта, от проекта вечного мира которого он вполне диалектически и пришел к главной теме своих размышлений – «О войне». После того, как Клаузевиц окончил курс лучшим из своих однокашников, он получил назначение адъютантом бывшего ему почти ровесником принца Августа Прусского, приходившегося племянником Фридриху Великому. Это, разумеется, открыло ему дорогу в высший свет, где Клаузевиц познакомился со своей будущей женой Марией фон Брюль, не только навсегда упрочившей его статус своим графским происхождением, но и ставшей его редактором и советником, а затем завершившей главное дело жизни супруга, после смерти мужа издав (за свой счет!) громадный, но неоконченный труд.

В сражении с войсками маршала Даву под Ауэрштедтом 14 октября 1806 г. Клаузевиц бился рядом с командовавшим батальоном Августом Прусским, а также своим учителем Шарнхорстом, пережив сокрушительное поражение прусской армии, ставшее драматическим финалом бывшей прусской славы. Раненый принц, прикрывавший в арьергарде отход остатков разбитой армии, вскоре был взят в плен, а затем вместе с адъютантом доставлен в Берлин, где Клаузевицу довелось выслушивать пренебрежительные фразы Наполеона о том, что он всегда желал мира и не понимает, чего ради вообще Пруссия вступила в войну. Это произвело на молодого патриота неизгладимое впечатление, заставив определиться со своим отношением и к самому завоевателю, и к любым политическим фразам.

Проведя чуть менее года в плену во Франции, где он, крайне болезненно пережив условия Тильзитского мира, продолжил начатые ранее попытки анализа недавних военных кампаний, Клаузевиц вернулся в Берлин, где вскоре вошел в штаб Шарнхорста. После унижительного для Пруссии мирного договора, продиктованного Наполеоном даже не Фридриху Вильгельму III (1797–1840), а его жене, масштабное и принципиальное преобразование вооруженных сил было поручено генералу Шарнхорсту. Его действия наряду с реформами Штейна и Гарденберга подготовили будущее возрождение Пруссии как великой державы. Клаузевиц принял в военных реформах самое активное участие, а Шарнхорст все чаще поручал ему подготовку аналитических записок относительно текущей военно-политической обстановки. Другом Клаузевица стал и еще один выдающийся прусский офицер и создатель армии нового поколения, преемник Шарнхорста на посту главы прусского Генштаба саксонец А. фон Гнейзенау. С 1810 г. майор фон Клаузевиц все более посвящал себя преподаванию тактики и подготовке офицеров Генштаба, став наставником в том числе и для прусских принцев, среди которых был будущий первый кайзер Германской империи Вильгельм I.

В преддверии войны с Россией Клаузевиц, как и многие другие офицеры, просто не смог оставаться на службе в союзной Наполеону армии. Годами они готовили будущий реванш, искали союзников, в знак протеста подавали в отставку или отправлялись на свой страх и риск с предложениями союза в Великобританию, Австрию и Россию. Не дождавшись от малодушного короля Фридриха Вильгельма III согласия на начало маловероятного тогда восстания Пруссии против французской гегемонии, к которому он призывал в своей очередной аналитической записке, Клаузевиц в 1812 г. перешел на русскую службу. Именно здесь судьба преподавала ему еще один важнейший для его последующих теоретических штудий урок: он оказался в подчинении у своего соотечественника Карла Пфуля, сделанного Толстым символом оторванной от реальности механистической и линейной военной науки, отставшей от своего века. Лев Николаевич был не вполне справедлив, в размышлениях Пфуля о грядущей кампании против Наполеона было рациональное зерно, однако в чистом виде его построения было воплотить невозможно, а потому план пруссака был отвергнут, а Пфуль вскоре покинул командование действующей армии. Клаузевиц, и сам внесший вклад в дискуссию об авторстве плана стратегического отступления русской армии, ошибочно порой приписывавшегося именно Пфулю, навсегда сделал вывод об опасности увлечения примерами из прошлого, о необходимости быстро и понятно доводить свою мысль до подчиненных и коллег, о важности соотнесения реальности с принципами, на чьи бы авторитеты они ни опирались. После прекратившейся с отъездом Пфуля кабинетной работы Клаузевиц смог, наконец, вновь проявить себя на поле боя. Вскоре он уже сражался под Витебском, а затем были Смоленск, Бородино, где он участвовал во фланговом рейде русской кавалерии, оборона Риги, против которой действовал прусский вспомогательный корпус. Прусский офицер не мог командовать русскими солдатами, не знал языка, но, как и подобает дворянину, исполнял свой долг перед монархом, который взял его на службу, как мог – личным примером, с саблей в руках.

В войска под общим руководством маркиза Паулуччи, губернатора остзейских провинций, действовавшие на рижском направлении, он попросился отнюдь не случайно, по-видимому, планируя на месте содействовать будущему крушению наполеоновского альянса из сателлитов Франции. Клаузевиц идеально подходил на роль организатора переговоров между прусскими войсками во главе с генералом Йорком и русскими офицерами, тем более что последние были прусского происхождения – Дибич, Дона. История подписания Тауроггенской конвенции 30 декабря 1812 г., положенной в основу освобождения от Наполеона всей Европы, не столь однозначна, однако офицер русской службы Клаузевиц несомненно явился одним из творцов перехода Пруссии в лагерь противников Наполеона даже без предварительного согласия ее короля. Этим поступком и Йорк, и ряд других пруссаков фактически совершали государственную измену, однако последующий Калишский договор о русско-прусском

союзе и разгром французских войск к апрелю 1814 г. заставили забыть эту историю. Тем не менее, мстительный Фридрих Вильгельм III не забыл своего ужаса зимой 1813 г., когда он оказался зажат между еще грозным Наполеоном и волной антифранцузских восстаний и вплоть до «битвы народов» под Лейпцигом играл роль слуги двух господ. Именно поэтому желание Клаузевица как можно скорее вернуться в родную армию отклонялось вплоть до поздней весны 1814 г., когда сведение старых счетов было уже не в интересах прусского двора, получившего в итоге на Венском конгрессе от раздела Французской империи больше всех. Клаузевиц спустя два года службы России, за которую он вскоре получил орден Святого Георгия, опять был принят в прусскую армию с чином полковника. Это позволило ему в конце концов принять участие в кампании против вернувшегося было на трон Наполеона в 1815 г., став одним из очень немногих солдат, кто прошел всю эпоху революционных и Наполеоновских войн. Своего рода эпическим финалом его участия в боевых действиях стала кампания при Ватерлоо, где (по одной из версий) именно Клаузевиц смог убедить Блюхера, отступая, двигаться на соединение с Веллингтоном, а также до конца притягивал к себе корпус так и не явившегося спасти своего императора генерала Груши. Йена и Ауэрштедт были отомщены. Даже если верна строго обратная версия действий Клаузевица в кампании 1815 г., – согласно которой он призывал к осторожности, что могло стоить Веллингтону жизни – все же факт остается фактом: 35-летний полковник внес свой вклад в окончательный разгром Наполеона.

Мария фон Брюль, жена Карла фон Клаузевица

В мирное время истинные герои освобождения Пруссии и ее преобразования в годы невзгод были королю уже не нужны и неудобны. Не слишком ценили и их реформы, а потому стали отдалять от двора. Клаузевиц, став в 38 лет самым молодым генералом в прусской армии, оказался в заштатном Кобленце, начальником штаба у своего старого друга Гнейзенау. Именно там он и начал писать главный труд своей жизни, остаток дней посвятив его дополнению и редактированию, на что ему не хватило даже 15 лет. Спустя три года он возглавил Всеобщее военное училище в Берлине, однако преподавать там ему не позволили, что было явным признаком недоверия набиравшей силу партии Реставрации и попросту унижением. 12 лет отдал Клаузевиц администрированию там, где должен был бы обучать будущих офицеров Генштаба, что не мешало активно писать все новые главы «О войне» и труды по военной истории, хотя королю не нравилось всякое упоминание и о катастрофе 1806–1807 гг., и рассуждения о важности проведенных затем реформ. Очередная записка Клаузевица о важности сохранения

ландвера, о необходимости поддерживать у подданных ощущение оправданности активного личного участия в защите Отечества, поданная королю в 1819 г., была фактически проигнорирована. Клаузевиц все же остался в этом отношении слишком уж человеком Старого Порядка, он оказался в своей принципиальности достоин И. Канта, учеником которого он может считаться в не меньшей степени, чем Гегель, всегда умевший использовать диалектику и в плоскости личного успеха, и в комфортной гармонии с текущим режимом.

По иронии судьбы такая опала фактически и дала возможность Клаузевицу отдать пятый десяток своей жизни едва ли не целиком науке. Лишь в 1821 г. уже известный военный теоретик был причислен к Генеральному штабу, а в 1827 г. король положил конец двусмысленному положению в вопросе о дворянстве Клаузевицей. Однако утопическое желание Фридриха Вильгельма III, да и ряда других монархов Европы более никогда не иметь дела с революциями, в 1830 г. было окончательно уничтожено серией массовых выступлений у самых границ Пруссии – во Франции, Бельгии, Польше... Назревала масштабная война, а потому Клаузевиц был переведен в Силезию, где под началом все того же Гнейзенау стала формироваться армия на случай боевых действий против польских повстанцев. В ходе русско-польской войны вспыхнула эпидемия холеры, которая перекинулась и на территорию Пруссии. В августе 1831 г. от нее умер Гнейзенау, а принявший от него командование Клаузевиц скончался всего 3 месяца спустя. Была ли это холера или, что вполне возможно, сердечный приступ, до сих пор не выяснено.

Подводя итог этой не самой простой, но стремительной биографии, хочется отметить, что Карл фон Клаузевиц являл собой редкий тип патриота. Его горячая любовь к Родине не мешала ему быть здравомыслящим аналитиком, а готовность к хладнокровной оценке ситуации не превратила его в человека, лишенного каких бы то ни было предпочтений, готового служить сильнейшему или всегда оставаться над схваткой. Характерно, что особенно уникальным этот патриотизм не напоказ, без позерства делает то, что проявлен он был в эпоху рождения современного национализма, в годы вызванного Великой французской революцией и гением Наполеона фихтевского воодушевления взрывом национально-освободительного движения, в обстановке патриотического угара 1813 г. и на фоне формируемого из добровольцев ополчения (фрайкоров). Клаузевиц характером и судьбой, возможно, не так выделяется, как герой антинаполеоновской борьбы граф Йорк фон Вартенбург, однако кто знает, оставил бы в истории этот последний столь заметный след, если бы не его более скромный соратник³... Клаузевица можно и нужно считать человеком на стыке эпох, причем не только фридриховской и наполеоновской, но и начавшейся затем Реставрации. Он, имевший все основания полагать Освободительную войну зенитом своей карьеры, все же не пополнил число «рожденных лишь для 1812 г.», как это стало с многими героями той кампании, а также задержавшимися в эпохе бидермайера ветеранами, хваставшимися подвигами тех лет вплоть до 1848 г. так, словно на Святую Елену Наполеона отправили вчера. Истый германский патриот, Клаузевиц оставался пруссаком до мозга костей, его беспрекословную готовность служить королю Пруссии не поколебало даже то, что в ту эпоху на троне был один из худших ее королей за всю историю. Именно поэтому Клаузевица можно считать одним из ее символов, наряду с Бисмарком и Великим Курфюрстом. И дело отнюдь не в том, что ему просто удалось выделиться на фоне эпохи, ведь она была, мягко говоря, не бесцветной. Исполинская фигура Наполеона, как и до него (по меньшей мере для любого немца) Фридриха Великого, казалось, может закрыть любого, кто осмелится рассуждать о военном деле. Однако недостатка в великих современниках Клаузевица не было и в иных сферах – Шиллер, Гёте, Гегель, Гумбольдт, и этот список можно легко продолжить... Наш герой не стремился встать с ними в один ряд, но оказался способен на большее, чем нежеле просто превозносить великих. И к гениям, и к проблеме гениев и их

³ См.: Aron R. Clausewitz – Stratege und Patriot // Preußen. Seine Wirkung auf die deutsche Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 41–64.

роли в истории и политике он оказался способен отнестись аналитически, а не эмоционально. Этим он отличается от большинства своих коллег и современников примерно так же, как профессиональный кинокритик от потребителей блокбастеров.

Разумеется, столь крупная фигура должна была, пусть и посмертно, стать предметом мифотворчества. Есть легенды о том, что это великий Клаузевиц раз за разом предсказывал будущий ход военных действий. На основе его ранних записок с анализом военных кампаний утверждается, что он еще в 1805 г. предсказал тяжелейшие проблемы для Наполеона в Польше и его непереносимое поражение в России. Часто повторяют рассказ, что Клаузевиц (ну, чем не Кутузов накануне Аустерлица?) заранее раскритиковал позиции прусской армии накануне Йены и Ауэрштедта, а случайно нашедший его записку после битвы Наполеон бурно радовался тому, что этого неизвестного офицера в командовании пруссаков никто не услышал. Хватало рассказов и о том, что именно Клаузевиц не дал командованию русских армий согласиться на явно преждевременное генеральное сражение, в том числе под Смоленском и уж тем более в Дрисском лагере, тем самым явно пойдя против мнения своего непосредственного начальства из числа прусских военных корифеев... Все эти легенды, как и всегда в таких случаях, прекрасно отражают лишь позднейший образ их героя, являются попыткой механически перенести в прошлое то, что стало возможным и очевидным впоследствии, а потому недоказуемы, однако и не лишены кажущейся достоверности. В самом деле, отчего же 26-летнему адъютанту Клаузевицу не высказать догадку, что считавшаяся некогда лучшей армия будет разбита, а уже пережившему горечь разгрома своей страны 32-летнему изгнаннику не предупреждать свое новое командование в другой стране об опасности переоценки собственных сил?

Автор нового взгляда на взаимосвязь войны и политики, Клаузевиц в процессе его оценки и встраивания в идеологизированные концепции был окружен и политическим «орнаментом». Разве мог Ленин быть согласен с мракобесом, юнкером или человеконенавистником, ставшим автором идеи тотальной войны? Разумеется, нет, а потому Клаузевиц стал не только идейным создателем прусской новой армии, но жертвой постнаполеоновской реакции. Вряд ли он сам полагал себя жертвой, но и не мог не понимать, что при сложившейся после 1815 г. политической конъюнктуре, – девизом которой была оценка Бурбонам – «они ничего не забыли и ничему не научились», – дальнейшие его усилия по развитию военной мощи Пруссии не могут не казаться излишними, а потому он довольствовался той ролью, что ему оставили, и здесь проявив себя как истинный стратег, а не стяжатель. Может быть, именно поэтому он и способен был писать на темы геополитики тогда, когда Венский порядок, казалось, уничтожил своим балансом всякую к тому необходимость. Судьба отвела ему всего 51 год, а ведь Клаузевиц и не думал о завершении карьеры, он ждал новых войн, потрясений, перераспределения итогов Венского конгресса. Вероятно, он многое мог бы сказать о последствиях сворачивания проведенных в разгромленной Наполеоном Пруссии реформ, сказавшихся уже в 1848 г. Однако он не дождал до первой репетиции мировой революции, а потому его наследие воплощали во славу Пруссии и объединения Германии другие. Первое место среди них занимает Г. фон Мольтке, датский офицер, учившийся в Берлинском военном училище, когда там директором был Клаузевиц, и только начинавший карьеру офицера Генштаба, когда тот скончался.

Оценки последователей и потомков

За прошедшие два столетия можно констатировать две противоположные тенденции: 1) попытки постоянно либо поставить автора трактата «О войне» в длинную вереницу «виновных», милитаристов, доведя до преемственности и завершенности убеждение в неискоренимой германской агрессии, либо 2) столь же упорные усилия его оправдать, вычеркивая из перечисления вместе с теми, кто безусловно стремился к тому, чтобы считать Клаузевица своим учителем и последовательно утверждал, что свои победы (в 1870-м, 1914-м, 1940-м и т. д.) одержал именно по его лекалам. В этом случае Клаузевица оправдывают за счет более упорных обвинений других⁴. И это касается отнюдь не только советской или постсоветской традиции, но и зарубежных специалистов, в том числе и германских. Последние после Второй мировой войны, разумеется, активно занимаются и обличением агрессии со стороны Второго и Третьего рейхов, выступая едва ли не пионерами в идее о преемственности между ними и находя массу последовательных этапов в развитии замыслов, ставших для миллионов людей роковыми⁵. Редко когда анализ стратегии и манеры действий вермахта, да и его предшественников обходится без упоминания Клаузевица: от его бесспорных почитателей Мольтке-старшего и Шлиффена, авторов планов молниеносной войны, через исследования страшной «верденской мясорубки» Э. Фалькенгайна и наступления Людендорфа в 1918-м, с обильными ссылками на публицистику автора «В стальных грозах» Э. Юнгера, авторы всегда успешно доводят логику повествования до зверств советско-германского фронта. Сталинская установка относительно Клаузевица тоже была предельно конкретна: Клаузевиц – идеолог фашистской агрессии⁶. Разумеется, в аргументах недостатка не было. С другой стороны, всякую идею можно довести до злоупотребления ею. Знаменитый русский и советский историк Е.В. Тарле, автор одной из лучших биографий Наполеона, призванный профессионально оформить указание «сверху», вполне понимал истинное положение дел, но, уже отбыв одну ссылку, спорить с официальной позицией не рисковал. Дискутировать со Сталиным, со свойственной тому безапелляционностью суждений считавшим, что Клаузевиц устарел, что его труд из эпохи «мануфактурной войны», не приходилось...

Клаузевиц занимает немалое место в шедшей дискуссии об авторстве идеи тотальной войны и войны на уничтожение, которая представляет собой ретроспективный поиск виновных. Лишь некоторые авторы все же призывают не акцентировать отдельные фразы, вырванные из контекста, и не возлагать ответственность на тех, чьим наследием воспользовались в преступных целях⁷. Те, кто пытался оправдать Клаузевица, указывали, что якобы верные его последователи из стратегов Третьего рейха согласно его теориям делали грубые ошибки, особенно в войне против СССР, что, конечно, не столько оправдывает Клаузевица, который в таких аргументах и не нуждается, сколько лишний раз доказывает злоупотребление его мыслями. В годы холодной войны мысли Клаузевица были еще раз примерены, теперь уже на сценарий атомного конфликта, и вновь были сделаны самые предвзятые выводы о преходящей их ценности и о, наоборот, совершенной и универсальной бесчеловечности. Разумеется, к концу

⁴ См., напр.: Kutz M. „Geschichte als Empirie oder Ideologie? Die Analyse der Revolutions und napoleonischen Kriege bei Clausewitz und ihre Verfälschung im deutschen militärischen Führungsdenken seit Schlieffen // L'influence de la revolution francaise sur les armees en France, en Europe et dans le monde. Vol. 2. P., 1989. P. 321–336.

⁵ См.: Reemtsaa J.P. Die Idee Vernichtungskrieges. Clausewitz – Ludendorff – Hitler // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht / hrsg. von H. Heer, K. Naumann. Hamburg, 1995. S. 377–401.

⁶ См., подр.: Rose O. Carl von Clausewitz. S. 176 ff.

⁷ См., напр.: Münkler H. Instrumentelle und existenzielle Auffassung des Krieges bei Carl von Clausewitz // Gewalt und Ordnung. Das Bild des Krieges im politischen Denken. Frankfurt/M., 1992. Некоторые элементы воззрений этого автора на Клаузевица и общее изложение теории империй и стратегий их развития см.: Мюнклер Г. *Империи: Логика господства над миром. От Древнего Рима до США* / Перев. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014.

XX в. появились и вполне конструктивные критические отзывы, лишённые всякой политизированности, как, например, у Б. Лиддел-Гарта, и новый виток переоценки, который лишь подтвердил, что универсальных учителей стратегии не бывает, однако это вовсе не повод не обращаться к теоретическому наследию прошлого.

Клаузевиц особенно легко становится жертвой озлобленных спекуляций, ведь он чрезвычайно последователен и истинно-немецки схематичен, и все же, стремясь к правдивости, он порой явно поддается романтическим ноткам или выражается двусмысленно, что и позволяет «заострять» его в любом удобном направлении. Подвели его и накопившиеся за два века терминологические отличия, почти сравнимые порой с погрешностями перевода. Он писал несомненно труд философский, в самом высоком значении этого слова, а потому не может быть механически цитируем в иных обстоятельствах и эпохах. При этом введенные им обороты и термины столь часто использовались по отношению к явлениям и приемам из века XX, что нам кажется, что Клаузевиц изначально именно такое содержание в них и вкладывал, что совершенно не верно. Участь трудов Клаузевица лишь немногим лучше подвергавшихся страшным нападкам работ Ф. Ницше, уличенного едва ли не в нацизме за то, что именно его, как и миллионы германских солдат Первой мировой, избрал в свои «учителя» некто А. Шикльгрубер. Ни первого, ни второго из властителей дум не спасли от огульных обвинений даже их бесспорные личные моральные качества и подчеркнутое внимание к проблемам этики, в том числе в политике и в военных действиях. Своего рода логичным следствием обвинений в адрес Клаузевица стало перенесение в 1971 г. его останков из польского с 1945 г. Вроцлава на территорию тогдашней ГДР...

Хотя бундесверу приходилось (и приходится) с крайней осторожностью относиться ко всему, что может быть воспринято как преемственность в милитаристской традиции, надо признать, что актуальности для военных Клаузевиц не теряет, и не только в тех странах, что могут себе позволить более открытое обсуждение жесткой внешней политики⁸. Конечно, действующее в ФРГ и по сей день общество бывших офицеров, генералов и адмиралов германских вооруженных сил (в нем состоят и видные военные историки), названное именем Клаузевица, заявляет лишь о том, что стремится сохранить память о великом военном теоретике, старательно дистанцируясь от какого-либо намека на «практическую» дальнейшую разработку его уроков и рекомендаций. Однако такая концентрация на скорее мемориальной функции вовсе не препятствует попытке переосмыслить его наследие с точки зрения геополитики, то есть того, что современники и последователи долгое время считали лишь второстепенным элементом его рассуждений о стратегии. Вполне вероятно, что вскоре в серии трудов общества Клаузевица появится и том, посвященный ему как геополитику или теоретику воспитания инициативных лидеров и командиров.

⁸ См., напр.: *Vad E. Carl von Clausewitz – eine militärische Lehre. Untersuchungen zur Bedeutung Clausewitz' für die Truppenführung von heute.* Münster, 1983.

Особенности представленного издания

Несмотря на существенно сокращенный объем, в данном издании стремились сохранить манеру и логику изложения автора, свойственную его эпохе и отражающую ментальность и культурный фон выдающегося прусского генштабиста. Разумеется, Клаузевиц оперирует огромным количеством примеров из военной истории XVIII – начала XIX столетия, многие из которых уже давно лишены сколько-нибудь широкой известности или актуальности. Это делает необходимым масштабные пояснения военно-исторического характера, которые призваны, главным образом, лишь пояснить смысл наскоро брошенных Клаузевицем, словно «само собой разумеющихся» намеков и аллюзий, но вовсе не стремятся к созданию исчерпывающего комментария об историческом фоне эпохи Наполеоновских войн. Это вызвано желанием подчеркнуть теоретическую ценность концепций и идей Клаузевица, не заслоняя их излишней фактологией, представлявшей самому автору, активно и ловко ее использовавшему, столь необходимой и вполне известной будущему читателю.

Советское издание, выпущенное к столетию выхода в свет 10-томного великого труда в 1832–1835 гг., обладает массой достоинств и особенностей, которые могут быть лишь рекомендованы читателю, интересующемуся не только полной версией громадного труда (впоследствии переиздававшегося и в России), но и историей восприятия Клаузевица создателями марксизма-ленинизма, а затем и ведущими теоретиками армии Советского Союза. Комментарии переводчика отражают не только его глубокое преклонение перед Лениным, Марксом и Энгельсом, которым в оценках Клаузевица он доверяет едва ли не абсолютно, но и его желание прокомментировать высказываемые стратегом столетней давности мысли и догадки на основании примеров из недавней (на тот момент) военной истории. Вероятно, схожие по стилю комментариев издания до сих пор выпускаются в Китае, ведь одним из почитателей Клаузевица был Мао Цзэдун. Большинству читателей вряд ли будет интересна история конспектирования Лениным Клаузевица, а потому касающиеся этого процесса и по-своему трогательные комментарии переводчика в настоящем издании сочли возможным убрать. То же касается и приводимых ранее ради точности перевода примечаний к немецкому изданию, делающих честь скрупулезности его подготовки и в Германии, и в СССР, но мало актуальных в сокращенной версии, а также имеющих явно политический характер ремарок, например, с критикой «империалистических армий» и «империалистической» же политики некоторых держав середины XX столетия. Напротив, то, что переводчик счел нужным прокомментировать с точки зрения военной науки межвоенного периода, было сохранено, хотя при редактировании порой было сложно удержаться от дискуссий уже не с автором, а с его переводчиком-марксистом. Так как переводчик воздерживался главным образом от пространных исторических комментариев, вслед за Клаузевицем ориентируясь на читателя, которому событийная сторона известна в достаточной мере, считая, что хорошо подкованным в военной истории такие пояснения не понадобятся, то дополнения к ним, приведенные в данном издании, отмечены особо. Если в примечании специально не оговаривается его авторство, оно было сделано переводчиком, а не редактором.

Таким образом, в связи с необходимостью еще одного потока комментариев к основному повествованию возникает – уже в современном издании – многослойный текст, который до некоторой степени дает представление как об исходных и верных для разных эпох теоретических построениях, так и об определенной традиции их восприятия, о доказательствах или опровержениях на протяжении последующих двух столетий.

В минимально необходимых масштабах было проведено редактирование в сторону более современных транскрипций фамилий и географических названий (но без ущерба исторически сложившейся традиции), терминов и формулировок в тексте, однако при последовательном

стремлении не исказить в связи с этим ни стиль Клаузевица, по-своему блестяще сохраненный переводчиком, ни приданные последним оттенок и манера, существенно облегчающие отечественному читателю восприятие вполне немецкого по своему тягучему темпу и неуклонной последовательности теоретического трактата. Следует отметить, что если бы у читателя было желание сравнить это произведение с аналогичными, то он безусловно признал бы изложение Клаузевица сравнительно удобным и сносным по меркам современного стиля.

Хотелось бы пожелать, чтобы впервые предпринятый эксперимент по приспособлению обширного военно-теоретического труда двухвековой данности к потребностям и особенностям современного прочтения смог найти своего читателя и способствовать развитию внимания к стратегическому наследию предшествующих эпох, к переосмыслению его и во вполне практических, но мирных целях.

Кандидат исторических наук, доцент Л.В. Ланник

Часть первая. Природа войны

Глава первая. Что такое война?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть отдельные элементы нашего предмета, затем отдельные его части и наконец весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь больше чем где бы то ни было необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны): в нашем предмете, более чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступить с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент единоборства. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостать насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в действительности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) является средством, а целью⁹ будет – навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться.

Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее, как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могут, пожалуй, вообразить, что можно искусственным образом без особого кровопролития обезоружить и сокрушить и что к этому-де именно и должно тяготеть военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее, она содержит заблуждение и его следует рассеять. Война – дело опасное, и заблуждения, имеющие своим

⁹ В нашем научном языке термины «политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным сохранить их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц употребляет слово «Zweck», а во втором «Ziel». Как ни близки эти оба слова русскому слову «цель», однако они представляют разные оттенки; грубой их передачей явились бы термины: «политический смысл войны», «конечный результат военных действий».

источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия; нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства. Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны и притекает в войну извне. Введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из двух совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного намерения. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту, чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или, во всяком случае, не связанным с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоции, а у народов цивилизованных – намерения, обуславливаемые рассудком.

Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и пр. Поэтому оно может и не иметь места в отдельном случае, но большей частью оно оказывается налицо; словом, и цивилизованные народы могут вспылать взаимной ненавистью.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну между цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее, как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе отношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но недавние войны¹⁰ излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда является ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит от того, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры несколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии войны стремления к истреблению противника. Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнова-

¹⁰ Подразумеваются Наполеоновские войны.

ние, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель – лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что задача военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем жертва, которую мы от него требуем; при этом, конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ввести противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, это – полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением двух живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня: следовательно, я не властен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую ему их. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат двух тесно сплетающихся факторов: размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе.

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точно), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилom здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы соразмеряем наши силы и стремимся достичь перевеса или, в случае невозможности этого, доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии устремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Мера действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью – с

абстрактным конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые в них самих заложены.

Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то мы непременно при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами попали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантазмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная трата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы надобность в таком усилии воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в том случае:

- 1) Если бы война была совершенно изолированным актом, возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью.
- 2) Если бы она состояла из одного решающего момента или из ряда одновременных столкновений.
- 3) Если бы она сама в себе заключала окончательное решение, т. е. заранее не подчинялась бы влиянию того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никогда не является изолированным актом

Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлеченными и в отношении того фактора в комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно – воли. Эта воля не есть что-то вовсе неизвестное; ее «завтра» делается сегодня. Война не возникает внезапно; подготовка ее не может быть делом одного мгновения. А потому каждый из двух противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основании того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать.

Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигнет предела абсолютно совершенного, и таким образом проявление недочетов с обеих сторон служит умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы война решалась одним или несколькими одновременными столкновениями, то все приготовления к этому столкновению

обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы непоправимым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение войны заключается в ряде последовательных столкновений, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилом для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для борьбы средства выставлялись или могли бы быть выставлены сразу. Неудача в решающем столкновении неизбежно уменьшает средства борьбы, и если бы они все были применены в первом же сражении, то второе было бы невыносимо. Военные действия, которые имели бы затем место, по существу являлись бы только продолжением первого.

Однако мы видели, что уже в подготовке к войне учет конкретной обстановки вытесняет отвлеченные понятия и на замену предпосылки крайнего напряжения вырабатывается какой-то реальный масштаб; таким образом, уже по одной этой причине противники в своем взаимодействии не дойдут до предела напряжения сил и не все силы будут выставлены с самого начала.

Но и по природе и характеру этих сил они не могут быть применены и введены в действие все сразу. Эти силы: собственно вооруженные силы, страна с ее поверхностью и населением и союзники.

Страна с ее территорией и населением, помимо того что она является источником всех вооруженных сил в собственном смысле этого слова, составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны; часть страны образует театр военных действий; не входящие в последний области оказывают на него заметное влияние.

Конечно, можно допустить, что одновременно вступят в дело все подвижные боевые силы; но это невозможно в отношении крепостей, рек, гор, населения и пр., словом, всей страны, если последняя не настолько мала, чтобы первый акт войны мог охватить ее целиком. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих сторон. В природе международных отношений заложены факторы такого порядка, которые обуславливают вступление союзников в войну лишь позднее; иногда они окажут помощь только для восстановления уже утраченного равновесия.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому, даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием к тому, чтобы понижать напряжение сил для первого решительного действия: ведь неблагоприятный исход первого столкновения является всегда существенным ущербом, которому никто добровольно подвергаться не станет. Чем значительнее будет первый крупный успех, тем благотворнее его влияние на последующие, несмотря на то, что он не является единственным, определяющим конечную победу. Однако предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческий дух в своем отвращении к чрезмерному напряжению сил прикрывается этим предлогом и не сосредотачивает и не напрягает своих сил в должной мере в первом решительном акте. Все те упущения, которые одна сторона ошибочно допускает, служат объективным основанием для другой стороны к снижению своего напряже-

ния; здесь опять возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности низводится до степени умеренного напряжения.

9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного

Наконец даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими, политическими отношениями. Насколько такой взгляд должен умерять напряжение и интенсивность усилий, — ясно само собой.

10. Действительная жизнь вытесняет крайности и отвлеченные понятия

Таким образом, война освобождается от сурового закона крайнего напряжения сил. Раз перестают бояться и добиваться крайности, то рассудок получает возможность устанавливать пределы потребного напряжения сил. В основу ложатся явления действительной жизни, возможности которых подвергаются оценке. Раз оба противника уже перестали быть отвлеченными понятиями, а являются индивидуальными государствами и правительствами, раз война уже не отвлеченное понятие, а своеобразно складывающийся ход действий, то данными для раскрытия неизвестного будут служить действительные явления.

На основе состояния, характера и политики противника каждая из борющихся сторон будет строить, руководясь теорией вероятности, свою оценку его намерений и соответственно намечать собственные действия.

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план

Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема, которую мы уже рассматривали (п. 2): политическая цель войны. Закон крайности — намерение сокрушить противника, лишить его возможности сопротивляться — до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но поскольку закон крайности бледнеет, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение потребного напряжения сил представляет лишь расчет вероятностей, основывающийся на определенных лицах и обстоятельствах, то политическая цель как первоначальный мотив должна представлять весьма существенный фактор в этом комплексе. Чем меньше та жертва, которую мы требуем от нашего противника, тем вероятно меньше будет его сопротивление. Но чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения; а потому и наши усилия будут менее значительны.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилom как для цели, которая должна быть достигнута при помощи веерных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Так как мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, то и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе: она находится в зависимости от взаимоотношений двух государств. Одна и та же политическая цель может оказывать весьма неодинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны, в зависимо-

сти от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении или в понижательном. Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военными действиями. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например, завоевание известных областей. Порою политическая цель не будет пригодна служить оригиналом, на основании которого можно сформулировать цель военных действий.

Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Тогда только ею определяется степень обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней и притом тем сильнее, чем полнее господство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилюя свою природу, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением обсервационных частей. Последнее приводит нас к новому вопросу; нам предстоит его развить и дать ответ.

12. Этим еще не объясняются паузы в развитии войны

Как бы ни были незначительны взаимные политические требования обоих противников, как ни слабы выдвинутые с обеих сторон силы, как ни ничтожна задача, поставленная военными действиями, – может ли развитие войны замереть хотя бы на одно мгновение? Это – вопрос, проникающий глубоко в самую сущность предмета.

Каждое действие требует для его выполнения известного времени, которое мы назовем продолжительностью действия. Последняя может быть большей или меньшей, в зависимости от поспешности, вкладываемой в нее действующей стороной.

Эта большая или меньшая степень поспешности нас в настоящую минуту не интересует. Каждый исполняет свое дело по-своему. Кунктатор¹¹ не потому ведет свое дело кропотливо, что он желает на него потратить больше времени, а потому, что это свойственно его природе и при спешке он выполнял бы его хуже. Следовательно, затрачиваемое время зависит от внутренних причин, а его количество составляет продолжительность действия.

Если мы каждому действию предоставим на войне свойственную ему продолжительность, то мы будем вынуждены, по крайней мере на первый взгляд, признать, что всякая затрата времени сверх этой продолжительности (т. е. приостановка военных действий) бессмысленна. Следует помнить, что здесь речь идет не о наступательных действиях того или другого противника, а о поступательном ходе войны в целом.

¹¹ То есть стратег, подражающий знаменитому противнику Ганнибала Фабию Кунктатору, отказывавшемуся от генерального сражения против более талантливого полководца, чтобы добиться его максимального ослабления без излишнего риска. (Прим. ред.)

13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда, казалось бы, может быть только у одной стороны

Если обе стороны изготовились к борьбе, то к этому их побудило некоторое враждебное начало; до тех пор, пока они не сложили оружия, т. е. не заключили мира, это враждебное начало остается в силе; оно может временно смолкнуть у какой-либо из воюющих сторон лишь при условии, что последняя хочет выждать более благоприятного времени для операций¹².

На первый взгляд, казалось бы, это условие может иметься налицо лишь у одной из двух сторон, ибо оно тем самым становится для другой противоположным началом. Раз в интересах одного – действовать, в интересах другого – выжидать.

Полное равновесие не может вызвать паузы в развитии военных действий, так как в этом случае сторона, поставившая себе положительную задачу (наступающая), должна продолжать наступление.

Наконец представим себе равновесие в том смысле, что тот, у кого цель положительная, а следовательно более сильный мотив наступать, в то же время располагает меньшими силами, так что равновесие получается из сочетания мотивов и сил; в этом случае надо сказать, что, если нет основания ожидать перемены в состоянии равновесия, обеим сторонам следует заключить мир; если же предвидится изменение равновесия, то оно может быть благоприятным лишь для одной из сторон, а следовательно должно побуждать другую приступить к операции. Мы видим, что понятие равновесия не объясняет приостановки действий; и в этом случае дело опять сводится к выжиданию благоприятного момента.

Предположим, что одно из двух государств поставило себе положительную цель: завоевать известную область противника, чтобы получать нужную уступку при заключении мира. После завоевания политическая цель оказывается достигнутой, потребность в операциях исчезает, наступает успокоение. Если и противник готов примириться с этим успехом, он заключит мир; в противном же случае он будет действовать. Представим себе, что через 4 недели он будет лучше для этого подготовлен; таким образом у него будет достаточное основание для отсрочки своих операций.

Но логическая необходимость, казалось бы, должна заставить с этого момента действовать противную сторону с тем, чтобы не дать времени побежденному подготовиться к новой борьбе. Здесь конечно предполагается верная оценка всех обстоятельств данного случая обеими сторонами.

14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям

Если бы такая непрерывность военных действий имела место в действительности, то она вновь толкала бы обе стороны к крайности. От такой деятельности, не знающей удержу и отдыха, настроение повысилось бы еще сильнее и оно придало бы борьбе еще большую степень страстности и стихийной силы. Благодаря непрерывности операций возникла бы более строгая последовательность, более ненарушимая причинная связь, и тем самым каждое единичное действие стало бы более значительным и, следовательно, более опасным.

Однако мы знаем, что операции редко или даже никогда так непрерывно не ведутся. Известно множество войн, в которых операции занимали самую незначительную часть, остальное же время тратилось на паузы. Все же эти войны нельзя признать аномалией. Паузы в раз-

¹² Клаузевиц употреблял не термин «операция», утвердившийся лишь в начале XX в., а понятие «действие».

витии военных действий должны быть возможны и не должны являться противоречием по отношению к природе войны. Мы покажем теперь, что это именно так.

15. Здесь следовательно выдвигается принцип полярности (диаметральной противоположности)

Тем, что мы мыслим интерес одного полководца как величину, всегда противоположную интересам другого, мы становимся на точку зрения признания подлинной полярности. Намекаясь в дальнейшем посвятить этому принципу отдельную главу, мы здесь скажем о нем следующее.

Принцип полярности имеет силу, лишь когда он мыслится по отношению к одному и тому же предмету, где положительная величина и ее противоположность (величина отрицательная) друг друга, безусловно, уничтожают. В сражении и та, и другая сторона желает победить; это подлинная полярность: победа одного уничтожает победу другого. Но если речь идет о двух различных явлениях, имеющих между собою общую связь, лежащую вне их, то полярны между собою не эти явления, а их отношения.

16. Нападение и оборона – явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним неприменима

Если бы существовала лишь одна форма войны, а именно – нападение на противника, и не было бы обороны, или, иными словами, если бы наступление отличалось от обороны лишь преследованием позитивной цели, присущей первому и отсутствующей у второй, а сама борьба была бы всегда одной и той же, то в такой борьбе всякий успех одного был бы в то же время неудачей другого, и полярность действительно оказалась бы налицо.

Однако военные действия проявляются в двух формах – наступлении и обороне, – которые, как мы ниже покажем на фактических примерах, весьма различны по своей природе и неравны по силе. Поэтому полярность заключается в их отношении к решающему моменту, т. е. к бою, но отнюдь не в самом наступлении и обороне.

Если один полководец желает отсрочить решающий момент, то другой должен желать его ускорения, но лишь при условии, что он останется при избранной им форме ведения борьбы. Если интерес А заключается в том, чтобы напасть на противника не теперь, а через 4 недели, то интерес Б сведется к тому, чтобы быть атакованным не на 4 недели позже, а сейчас же. В этом заключается непосредственное противоположение; но отсюда вовсе не следует, что в интересах Б было бы теперь же напасть на А; это представляет явление совершенно другого порядка.

17. Действие полярности уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии войны

Если оборона сильнее наступления (мы это докажем в дальнейшем), то возникает вопрос: столь же ли выгодна отсрочка сражения для первой стороны, сколько выгодна оборона для второй? Где этого нет, там противоположности не уравниваются, и, следовательно, течение военных действий будет обусловлено другими соображениями. Итак, мы видим, что побудительная сила, присущая полярности интересов, может затеряться в различии силы обороны и наступления и тем самым стать недействительной.

Таким образом, если тот, для кого настоящий момент благоприятен, тем не менее, настолько слаб, что не может отказаться от выгод обороны, то ему приходится мириться с

ожиданием менее благоприятного для него будущего. Ему, быть может, все-таки выгоднее будет вести, хотя бы и в этом неблагоприятном будущем, оборонительный бой, чем переходить теперь в наступление или заключать невыгодный мир. А так как, по нашему убеждению, превосходство обороны (правильно понятой) чрезвычайно велико и гораздо больше, чем может казаться на первый взгляд, то это и может служить объяснением большинству пауз в развитии военных действий, отнюдь не противоречащих самой природе войны. Чем менее важны цели, преследуемые на войне, тем чаще и продолжительнее вследствие различной силы двух форм борьбы (нападения и обороны) будут паузы. Все это подтверждается опытом прошлого.

18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку

Приостановку военных действий может вызвать также недостаточное уразумение создавшейся обстановки. Каждый полководец знает точно только собственное положение. Представление о положении противника он составляет на основании мало достоверных сведений. Полководец может ошибаться в своем суждении и превратно полагать, что наступил момент для действий противника, в то время как в действительности следовало бы действовать ему самому. Такой недостаток разумения обстановки может конечно вызвать как несвоевременное действие, так и несвоевременное воздержание от него; сам по себе он не способствует ни задержке военных действий, ни их ускорению. Однако недостаточное проникновение в обстановку всегда должно рассматриваться как причина, отнюдь не противоречащая природе войны, которая может приостановить ход военных действий. Если принять во внимание, что мы всегда склонны и имеем больше оснований переоценивать силы противника, чем недооценивать их (такова человеческая природа), то приходится признать, что недостаточное проникновение в обстановку очень способствует задержке военных действий и является началом, умеряющим напряжение последних.

Возможность пауз в свою очередь вносит в развитие военных действий умеряющее начало, ибо паузы с течением времени до известной степени разжижают ведение войны, задерживают надвигающуюся опасность и увеличивают средства к восстановлению нарушенного равновесия.

Чем напряженнее было положение, явившееся исходным для войны, тем выше ее энергия и тем короче будут паузы; и напротив – паузы будут тем длиннее, чем слабее напряжение войны. Преследование более крупных целей ведь повышает волю к победе, а последняя, как мы знаем, является крупным фактором, творящим силу, и продуктом последней.

19. Частые паузы в развитии военных действий еще более удаляют войну от абсолюта, еще более ставят ее в зависимость от оценки обстановки¹³

Чем медленнее протекают военные действия, чем чаще и длительнее остановки в них, тем легче бывает исправить ошибку, тем смелее и дальше забирается в будущее действующая сторона в своих предположениях; развитие войны будет меньше приближаться к черте крайности, и все будет строиться на оценке обстановки и вероятностях. Для оценки обстановки в данных условиях требуемого самой природой конкретного случая быстрый или медленный ход военных действий дает больше или меньше времени.

¹³ Термином «оценка обстановки» мы заменяем слова оригинала «расчет вероятностей», давно вышедшие из употребления и затрудняющие понимание современному читателю.

20. Таким образом, чтобы обратить войну в игру, нужен лишь элемент случайности, но в нем никогда недостатка нет

Отсюда мы видим, насколько объективная природа войны сводит ее к учету шансов; теперь недостает лишь одного элемента, чтобы обратить ее в игру; это – случай. Никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, а вместе с ним и счастье.

21. Война обращается в игру не только по своей объективной, но и субъективной природе

Если рассмотреть субъективную природу войны, т. е. те силы, с которыми приходится ее вести, то она еще резче представится нам в виде игры. Стихия, в которой протекает военная деятельность, это – опасность; мужеству здесь отводится самая важная роль.

Правда, мужество может уживаться с мудрым расчетом, но это – качества совершенно разного порядка, отражающие различные духовные силы человека; напротив, отвага, вера в свое счастье, смелость, лихость – не что иное, как проявление мужества, ищущего неведомого риска потому, что там – его стихия.

Итак, с самого начала мы видим, что абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятий, счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями по сравнению с другими видами человеческой деятельности более остальных похожим на карточную игру.

22. В общем, это часто находит отклик в духовной природе человека

Наш рассудок постоянно стремится к ясности и определенности, тогда как наш дух часто привлекает неведомое. Дух человека почти никогда не идет вместе с рассудком по узкой тропе философского исследования и логических умозаключений; ведь, двигаясь по этому пути, он почти бессознательно достигнет таких областей, где все ему родственное и близкое окажется оторванным, далеко позади; поэтому дух человека и его воображение предпочитают пребывать в царстве случая и счастья. Взамен скудной необходимости он роскошествует там среди богатств возможного; вдохновляемая последними отвага окрыляется и таким образом риск, дерзание и опасность становятся той стихией, в которую мужество устремляется подобно смелому пловцу, бросающемуся в бурный поток.

Должна ли теория его покинуть здесь и самодовольно идти вперед путем абсолютных заключений и правил? Если так, то она бесполезна для жизни. Теория обязана считаться с человеческой природой и отвести подобающее место мужеству, смелости и даже дерзости. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами; отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для неведомого всегда остается простор и притом равно большой как в самых великих, так и в самых малых делах. Неведомому противопоставляются храбрость и вера в свои силы. Насколько велики последние, настолько велик может быть и риск – простор, предоставленный неведомому. Таким образом мужество и вера в свои силы являются для войны существенными началами; поэтому теория должна выдвигать

лишь такие законы, в сфере которых эти необходимые и благороднейшие военные добродетели могут свободно проявляться во всех своих степенях и видоизменениях. И в риске есть своя мудрость и даже осторожность, только измеряются они особым масштабом.

23. Война, тем не менее, всегда остается нешуточным средством для достижения серьезной цели. Ближайшее ее определение

Таковы война, полководец, руководящий ею, теория, которая ее регулирует. Но война – не забава, она – не простая игра на риск и удачу, не творчество свободного вдохновения; она – нешуточное средство для достижения серьезной цели. Вся та полная шкала цветов радуги, которыми переливает счастье на войне, волнение страстей, храбрость, фантазия и воодушевление, входящие в ее содержание, все это только специфические особенности войны как средства.

Война в человеческом обществе – война целых народов, и притом народов цивилизованных, всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами. Она таким образом представляет собой политический акт. Будь она совершенным, ничем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее, исходя из отвлеченного понятия, тогда она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики, как нечто от нее совершенно независимое.

Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению, никакому руководству и находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. Так до сих пор и представляли это дело всякий раз, когда недостаток в согласованности между политикой и ведением войны приводил к попыткам теоретического опознания. Однако дело обстоит иначе, и такое представление в основе своей совершенно ложно. Действительная война, как видно из сказанного, не является крайностью, разрешающей свое напряжение одним единственным разрядом. Она находится под действием сил, не вполне одинаково и равномерно развивающихся; порою прилив этих сил оказывается достаточным для того, чтобы преодолеть сопротивление, оказываемое им инерцией и трением, порою же они слишком слабы, чтобы проявить какое-либо действие. Война представляет до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную, а следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы. Иначе говоря, война более или менее быстро приходит к финишу, но течение ее во всяком случае бывает достаточно продолжительным, для того чтобы дать ему то или другое направление, т. е. сохранить подчинение ее руководящей разумной воле.

Если принять во внимание, что исходной данностью для войны является известная политическая цель, то естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войны. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и соответственно самой часто подвергаться коренному изменению; все же политическая цель является тем, что прежде всего надо принимать во соображение. Итак, политика будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние, разумеется поскольку это допустит природа сил, вызванных к жизни войною.

24. Война есть продолжение политики, только иными средствами

Война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То специфическое, что при-

сущу войне, относится лишь к природе применяемых ею средств. Военное искусство вообще и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали в противоречие с этими средствами. Такое притязание конечно немало-важно, но, как бы сильно в отдельных случаях оно ни влияло на политические задания, все же это воздействие должно мыслиться лишь как видоизменяющее их, ибо политическая задача является целью, война же только средство, и никогда нельзя мыслить средство без цели.

25. Виды войны

Чем грандиознее и сильнее мотивы войны, тем они больше охватывают все бытие народов, чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем больше война приблизится к своей абстрактной форме. Весь вопрос сводится к тому, чтобы сокрушить врага; военная цель и политическая цель совпадут, и сама война представится нам чисто военной, менее политической. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и, следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель разойдется с целью идеальной войны, тем больше кажется, что война становится политической.

Однако чтобы у читателя не создалось ложного представления, мы должны заметить, что под этой естественной тенденцией войны мы разумеем лишь философскую, собственно логическую тенденцию, а вовсе не тенденцию реальных сил, вовлеченных в войну; не следует под-разумевать под этим например все духовные силы и страсти сражающихся. Правда последние в некоторых случаях могут находиться в состоянии такого возбуждения, что их трудно сдерживать в пределах, намечаемых политикой; однако большей частью такого противоречия не возникает, ибо при существовании столь сильных импульсов возник бы и соответствующий грандиозный политический план. В тех же случаях, когда план нацеливается на малое, обычно и подъем духовных сил в массах оказывается ничтожным, и эту массу скорее приходится под-талкивать, чем сдерживать.

26. Все виды войны могут рассматриваться как политические действия

Итак, – возвращаясь к главному, – если верно, что при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, в то время как при другом она определенно выступает на первый план, то все же можно утверждать, что первый вид войны является в такой же мере политическим, как и другой. Ведь если на политику смотреть как на разум олицетворенного государства, то в сочетания, охватываемые его расчетом, могут входить и сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида.

Второй вид войны можно было бы считать более охватываемым политикой только в том случае, если под политикой условно разуметь не всестороннее проникновение и охват возможных отношений, а избегающее открытого употребления силы осторожное, лукавое, да пожалуй, и нечестное мудрствование.

27. Последствия такого взгляда для понимания военной истории и для основ теории

Итак, во-первых, войну мы должны мыслить при всех обстоятельствах не как нечто самостоятельное, а как орудие политики; только при таком представлении о войне возможно не впасть в противоречие со всей военной историей. Лишь при этом представлении эта великая

книга раскрывается и становится доступной разумному пониманию. Во-вторых, именно эта точка зрения показывает нам, как различны должны быть войны в зависимости от мотивов и обстоятельств, из которых они зарождаются.

Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном отношении предпринимаемую войну; он не должен принимать ее за нечто такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противоестественно ее изменить. Это и есть первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов; ниже, при рассмотрении плана войны мы остановимся на нем подробнее.

Пока мы ограничимся тем, что установим основную точку зрения на войну и на ее теорию.

28. Вывод для теории

Итак, война – не только подлинный хамелеон, в каждом конкретном случае несколько меняющий свою природу. По своему общему облику (в отношении господствующих в ней тенденций) война представляет удивительную троицу, составленную из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену свободной духовной деятельности; из подчиненности ее в качестве орудия политики, благодаря которому она подчиняется чистому рассудку.

Первая из этих трех сторон главным образом относится к народу, вторая больше к полководцу и его армии и третья – к правительству. Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели принадлежат исключительно правительству.

Эти три тенденции, представляющие как бы три различных ряда законов, глубоко коренятся в природе самого предмета и в то же время изменчивы по своей величине. Теория, которая захотела бы пренебречь одной из них или пыталась бы установить между ними произвольное соотношение, тотчас впала бы в резкое противоречие с действительностью и поставила бы на себе крест.

Таким образом, задача теории – сохранить равновесие между этими тремя тенденциями, как между тремя точками притяжения.

Отыскание путей для разрешения этой трудной задачи составляет предмет нашего исследования во второй части этого сочинения, названной «О теории войны». Во всяком случае, только что установленное понятие войны явится первым лучом света, который осветит построение теории и даст нам возможность разобраться в огромном ее содержании.

Глава вторая. Цель и средства войны

Познакомившись в предыдущей главе с изменчивой и сложной природой войны, приступим к исследованию влияния этой природы на цели и средства войны.

Если мы начнем с вопроса о цели военных действий, на которую должна ориентироваться вся война в целом, чтобы быть надежным орудием политики, то мы увидим, что эта военная цель столь же изменчива, как изменчива политическая цель, как различны условия войны.

Если мы начнем с того, что вернемся к отвлеченному понятию войны, то нам придется сказать, что собственно политическая цель войны находится вне ее пределов, ибо, если война есть акт насилия, направленный на то, чтобы принудить противника выполнить нашу волю, то все всегда должно было бы сводиться к сокрушению врага, т. е. к лишению его возможности оказывать сопротивление.

Сначала рассмотрим в обстановке реальности эту выведенную из чистого понятия цель: действительность дает нам много приближающихся к ней случаев.

Впоследствии при рассмотрении плана войны мы подробнее исследуем, что значит обезоружить государство, лишить его возможности оказывать сопротивление; пока же мы будем различать три элемента, являющихся объектами общего порядка, охватывающими все остальное.

Это – вооруженные силы, территория и воля противника.

Вооруженные силы противника должны быть уничтожены, т. е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу.

Следует иметь в виду, что впредь мы будем разуметь «уничтожение вооруженных сил противника» именно в этом значении.

Территория должна быть завоевана, потому что она может явиться источником новых вооруженных сил.

Но даже после достижения того и другого нельзя считать, что война (враждебное напряжение и действие враждебных сил) прекратилась, пока не сломлена воля противника, т. е. его правительство и союзники не принуждены подписать мир или народ не приведен к покорности, потому что даже в то время, когда мы вполне овладеем неприятельской страной, борьба может снова возгореться внутри страны или при содействии союзников врага извне. Конечно, такой случай может иметь место и после заключения мира, но это лишь доказывает, что не всякая война приносит с собой полное решение и окончательную развязку. Впрочем, при заключении мира каждый раз угасает множество искр, которые втихомолку продолжали бы тлеть, и напряжение ослабевает, ибо все склонные к миру умы, а таких в каждом народе и при всех обстоятельствах немало, совершенно отходят от линии сопротивления. Во всяком случае с заключением мира следует считать цель достигнутой и дело войны – исчерпанным.

Так как из трех указанных выше элементов вооруженные силы противника предназначены для обороны страны, то естественный порядок действий заключается в том, чтобы сперва уничтожить вооруженные силы, затем завоевать страну и благодаря этим двум успехам и положению, которое мы тогда займем, принудить неприятеля к заключению мира. Обычно уничтожение вооруженных сил неприятеля происходит постепенно, и с той же последовательностью, шаг за шагом, идет завоевание страны. При этом одно влияет на другое; потеря областей в свою очередь ведет к ослаблению вооруженных сил. Но такой порядок конечно не обязателен и потому не всегда имеет место. Вооруженные силы неприятеля могут, не подвергая себя чувствительным ударам, отступить к противоположной границе страны или даже за ее пределы¹⁴. При таких обстоятельствах большая часть страны или даже вся страна окажется завоеванной.

¹⁴ Клаузевиц не приводит примеры подобной страны, хотя явно пытается польстить прусской армии, продолжавшей войну

Однако эта цель абстрактной войны – лишить неприятеля возможности сопротивляться – лишь крайнее средство для достижения политической цели, в котором концентрируются все остальные; в действительности полное обезоруживание врага далеко не всегда имеет место и не является необходимым условием для заключения мира, а следовательно, и не может выдвигаться теорией как непререкаемый закон. Существует множество примеров, когда заключение мира имело место раньше, чем одна из воюющих стран могла быть признана лишенной возможности сопротивляться, даже раньше, чем произошло заметное нарушение равновесия. Мало того, если мы обратимся к конкретным примерам, то будем вынуждены признать, что в целом ряде таких случаев, а именно когда противник значительно сильнее, сокрушение его являлось бы бесплодной игрой фантазии.

Причина, почему цель, выведенная из отвлеченного понятия войны, не всегда оказывается уместной в войне действительной, заключается в том различии между ними, которое было установлено нами в предыдущей главе. Если бы война была такой, какой она является в отвлеченном понятии, то между двумя государствами, обладающими заметно неравными силами, она была бы абсурдной, невозможной. Неравенство физических сил не должно было бы превосходить того предела, который можно уравновесить силами моральными; а этот предел в европейских странах при современном состоянии нашего общества очень близок. Поэтому если войны и ведутся между государствами, обладающими далеко не равными силами, то это происходит оттого, что война, как она протекает в действительности, часто значительно отличается от ее начального, отвлеченного понятия.

Есть два обстоятельства, которые могут служить помимо полной невозможности сопротивляться мотивом к заключению мира. Первое сомнительность успеха, второе – слишком высокая его цена.

Война в целом, как мы видели в предыдущей главе, уклоняется от строгого закона внутренней необходимости и идет по пути, указываемому оценкой обстановки; и это происходит тем чаще, чем больше приходится приспосабливаться войне к тем отношениям, из которых она возникла, чем ничтожнее мотивы и степень напряженности этих отношений. Отсюда понятно, что из самой оценки обстановки могут возникнуть мотивы к заключению мира. Таким образом, не всегда является надобность доводить войну до полного сокрушения одной из сторон. Если причины взаимного напряжения незначительны, надо полагать, что будет достаточно одного призрака будущих неудач, чтобы принудить к уступчивости сторону, перед которой этот призрак обозначился. Если другая сторона убеждена в этом, то естественно, что она будет стремиться лишь к тому, чтобы создать эту призрачную возможность, и не станет на кружный путь – добиваться полного сокрушения неприятеля¹⁵.

Еще более широкое влияние на решение заключить мир оказывают соображения о совершенной уже и предстоящей затрате сил. Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как объема, так и продолжительности принесения жертв. Таким образом, как только потребуются затраты сил,

вплоть до лета 1807 г., хотя Берлин и ряд основных крепостей был взят французами уже к концу 1806 г. Тем не менее, возможность сопротивления была обусловлена только масштабным участием России, без которого ни о какой возможности «не подвергая себя чувствительным ударам» отступить за пределы страны и говорить не приходится. Примечательно, что Клаузевиц, предлагавший подобный вариант продолжения сопротивления даже после полного отступления из страны и после кампании 1806–1807 гг. не отказался от своих идей и спустя много лет и по итогам масштабного опыта последующих войн. (Прим. ред.)

¹⁵ На свой лад Клаузевиц предугадывает курс О. фон Бисмарка, сумевшего быстро прекратить войну против Австрийской империи в 1866 г. на достаточно компромиссных условиях, а также стремившегося минимизировать потери разбитой в 1870 г. Франции, чтобы не создавать повода к бесконечному конфликту. Однако во втором случае добиться своего ему не удалось как из-за упорного желания Третьей республики продолжать войну, так и из-за сопротивления его готовности довольствоваться малым со стороны генералитета. (Прим. ред.)

превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир.

В войнах, где ни та, ни другая сторона не в состоянии окончательно лишить своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий.

Если бы эти мотивы оказались одинаковой силы у обеих сторон, то последние сошлись бы на середине их политических претензий; когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они должны ослабевать у другой; но если сумма мотивов обеих сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, разумеется, с выгодой для той стороны, у которой побуждения к заключению мира будут слабее.

Мы сознательно не касаемся здесь различия, которое непременно должно сказаться на операциях под влиянием позитивной или негативной природы политической цели. Хотя оно и имеет огромное значение, что будет указано ниже, здесь мы должны пока оставаться на общей точке зрения. Первоначальные политические намерения подвергаются в течение войны значительным изменениям и, в конце концов, могут сделаться совершенно иными именно потому, что они определяются достигнутыми успехами и их вероятными последствиями.

Тут возникает вопрос, каким путем возможно воздействовать на вероятность успеха. Прежде всего, конечно, при помощи тех же средств, которые ведут к сокращению: уничтожение вооруженных сил противника и завоевание территории; но эти средства уже несколько отличаются от того, чем они были при нашем устремлении к сокращению. Далеко не одно и то же, когда мы нападаем на неприятеля в расчете после первого удара нанести ему целый ряд последующих, с тем чтобы сокрушить все его вооруженные силы, или когда мы намерены удовлетвориться одной победой, способной поколебать уверенность противника, дать ему почувствовать наше превосходство и таким образом вызвать в нем опасение за будущее. Если такова наша цель, то к разгрому его сил мы будем стремиться в той мере, насколько это для нее необходимо. Если мы не задаемся целью сокрушить противника, то и завоевание неприятельских территорий явится мероприятием другого порядка. При сокращении подлинные операции заключаются именно в уничтожении вооруженных сил противника, а завоевание областей является лишь его следствием. На занятие территории раньше разгрома вооруженных сил приходится всегда смотреть как на необходимое зло. Напротив, в том случае, когда в нашу задачу не входит сокращение неприятельских вооруженных сил и когда мы уверены, что и неприятель сам не ищет путей для разрешения спора на поле сражения и даже боится их, то занятие слабо или вовсе не обороняемой области уже само по себе представляет известный успех. Если такой успех оказывается достаточно крупным, чтобы внушить противнику опасение за окончательный исход войны, то он может представить кратчайший путь к заключению мира.

Теперь мы наталкиваемся на еще одно своеобразное средство воздействия на вероятность успеха, не сокращая вооруженных сил противника. Это предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения. Иногда открывается возможность операций, позволяющих отколоть или парализовать союзников противника, набирать нам новых союзников, создать выгодные для нас политические комбинации и пр.; все это повышает вероятность успеха, и этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокращением вооруженных сил может оказаться гораздо более кратким.

Второй вопрос заключается в том, каковы могут быть средства воздействия на увеличение расхода сил противника, т. е. на повышение приносимых им жертв.

Расход сил противника заключается в износе его вооруженных сил, что достигается разрушением их нашими усилиями, и в потере областей, следовательно, в завоевании их нашими войсками.

При ближайшем рассмотрении станет само собой ясным, что и удары, наносимые вооруженными силами неприятеля, и захват его областей, преследующий цель увеличить расход неприятельских сил, имеют различное значение по сравнению с одноименными действиями, предпринимаемыми в целях сокращения. Мы не должны смущаться, что в большинстве случаев это различие будет очень незначительно в действительной жизни, при слабых поводах к вражде самые тонкие оттенки отношений имеют решающее влияние на характер применения сил. В данном случае мы стремимся лишь показать, что при известных условиях, кроме уничтожения сил врага имеются и иные пути достижения поставленной цели и что эти пути не содержат в себе внутреннего противоречия, не являются абсурдом и даже не составляют ошибки.

Помимо обоих указанных способов имеются еще три своеобразных пути, непосредственно ведущих к увеличению затраты сил противника. Первый – это занятие неприятельской территории, но не для удержания ее за собой, а с целью собрать с нее контрибуцию или даже опустошить ее. Непосредственной целью в данном случае будет не завоевание страны, не сокращение вооруженных сил противника, а нанесение ему как врагу вообще убытков. Второй путь будет заключаться в том, чтобы дать нашим операциям установку преимущественно на увеличение убытков неприятеля. Ничего нет легче, как наметить два различных направления для усилий наших вооруженных сил; из них одно, безусловно, заслуживает предпочтения в том случае, если дело сводится к тому, чтобы сократить неприятеля; другое является более прибыльным, если о сокращении не может быть и речи. Принято признавать первое направление более военным, а второе – более политическим. Но, становясь на высшую точку зрения, мы приходим к выводу, что оба они одинаково военные, и каждое из них является целесообразным постольку, поскольку оно отвечает данным условиям. Третий путь – изнурения врага – по количеству обнимаемых им случаев наиболее важный. Мы выбрали это выражение не только для того, чтобы одним словом определить предмет, но и потому, что оно вполне выражает соответствующее понятие; это не только риторический оборот речи, как может показаться на первый взгляд. Под изнурением мы понимаем постепенно наступающее, благодаря продолжительности действия, истощение физических сил и воли противника.

Если мы хотим добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, мы должны довольствоваться наиболее скромными целями, потому что крупная цель требует и большой затраты сил. Самая малая цель, какую мы можем себе поставить, это – чистое сопротивление¹⁶, т. е. борьба без какого-либо позитивного задания. В этом случае наши средства окажутся относительно наибольшими, а следовательно и результат явится наиболее обеспеченным. Как же далеко может простираться этот отказ от позитивных задач? Очевидно, он не может доходить до абсолютной пассивности, ибо простое выдерживание ударов не было бы борьбой; сопротивление – это уже действительность, которая должна уничтожить такое количество сил противника, чтобы он был вынужден отказаться от своего задания. К этому только мы и будем стремиться в каждом отдельном случае, и в этом заключается негативная природа нашего задания.

Бесспорно, это негативное задание в каждом отдельном случае не может дать такого успеха, который дало бы позитивное в тех же условиях, при предпосылке, что последнему сопутствует удача. Но в том именно и состоит разница, что первое легче удастся, а следовательно является более обеспеченным. То, чего в отдельном столкновении при негативном задании недостает в смысле действительности, надо восполнить временем, то есть продолжительностью борьбы; таким образом, это негативное задание, заключающее в себе принцип чистого

¹⁶ Легкость чтения перевода выиграла бы, если бы мы заменили слово «сопротивление» словом «оборона». Однако это было бы крупной неточностью ввиду того, что Клаузевиц вкладывает в эти термины неодинаковое значение. Оборона – это сопротивление плюс переход в контратаку.

сопротивления, является вместе с тем естественным средством добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, т. е. его изнурить.

В этом заключается основное различие между наступлением и обороной, пронизывающее всю область войны. Далее развивать эту тему мы сейчас не будем и удовольствуемся замечанием, что из самого негативного задания вытекают все сопутствующие ему преимущества, а также более сильные формы борьбы; здесь осуществляется философский закон динамики успеха, устанавливающий зависимость между размером и обеспеченностью успеха. Все это мы рассмотрим впоследствии.

Негативное задание (сосредоточение всех средств для простого сопротивления) ставит в выгоднейшие условия борьбы; если это преимущество достаточно велико, чтобы уравновесить возможный перевес противника, то одной продолжительности борьбы будет достаточно для того, чтобы постепенно довести затрату сил противника до степени, уже несоответствующей его политической цели, и вынудить его отказаться от борьбы. Отсюда мы видим, что путь изнурения противника обнимает значительное число случаев, когда слабый может успешно бороться с более сильным.

Фридрих Великий ни в один момент Семилетней войны не имел возможности сокрушить австрийскую монархию и конечно неукоснительно пошел бы на гибель, если бы попытался вести борьбу в духе Карла XII¹⁷.

Но талантливое следование им принципу мудрой экономии сил в течение 7 лет показало соединившимся против него державам, что затрата сил с их стороны становится гораздо большей, чем они предполагали вначале – и они заключили мир¹⁸.

Итак, в войне многие пути ведут к цели, причем не в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения, наконец, пассивное выжидание ударов врага, все это – средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника. Можем указать еще целый ряд кратчайших лазеек к цели; их мы назовем аргументами *ad hominem*¹⁹. В какой области человеческой деятельности не встречаем мы эти искры личных отношений, перелетающие через любые материальные перегородки? Они имеют исключительное значение на войне, где личность деятелей – в кабинете и в поле – играет такую крупную роль. Мы ограничиваемся здесь только намеком, ибо было бы педантизмом пытаться классифицировать эти методы. С ними число возможных путей, ведущих к достижению цели, растет до бесконечности.

Надо избегать недооценки различных кратчайших путей к цели; нельзя считать их редкими исключениями, а также признавать незначительными те различия в ведении войны, которые ими обуславливаются. Стоит только присмотреться к разнообразию политических целей, которые могут вызвать войну, и хотя бы приблизительно охватить взором расстояние, отделяющее войну на уничтожение, в которой ставится на карту политическое бытие, от войны, навязанной отживающим или даже вынужденным союзным договором. Между этими двумя видами войны существует множество градаций, встречающихся в действительности. Теория, отбросившая одну из этих градаций, с таким же правом могла бы отвернуться и от всех вообще, т. е. совершенно потерять контакт с миром действительности.

¹⁷ Имеются в виду походы шведского короля сначала в Речи Посполитой, где ему удалось захватить важнейшие пункты и навязать на трон своего ставленника, а затем его действия против русских войск в 1707–1709 гг., закончившиеся уничтожением его армии под Полтавой.

¹⁸ Клаузевиц, будучи патриотом Пруссии, совершенно умалчивает при этом о сразу «двух чудесах Бранденбургского дома», а также о роли российского императора Петра III. (Прим. ред.)

¹⁹ То есть личного порядка, иначе – субъективными факторами. (Прим. ред.)

Так в общем обстоит дело с целью, которую приходится преследовать на войне; теперь обратимся к средствам.

Средство только одно – бой²⁰. Как ни разнообразно складывается война, как ни далека она от грубого излияния гнева и ненависти в форме кулачной схватки, сколько бы к ней ни примешивалось постороннего бою элемента, – бой всегда заключается в понятии войны, так как бой является начальным пунктом, от которого исходят все явления войны.

Что это всегда так, несмотря на величайшее разнообразие и сложные сочетания действительности, подтверждается крайне несложным доказательством.

Все, что происходит на войне, ведется при посредстве вооруженных сил; а там, где применяют вооруженную силу, т. е. вооруженных людей, там по необходимости в основе должно лежать представление о бое.

Таким образом, все имеющее отношение к вооруженным силам – их создание, сохранение²¹ и использование – входит в сферу военной деятельности. Создание вооруженных сил и обеспечение их несомненно представляют собой только средство, использование же в бою – цель.

Борьба на войне является не рядом одиночных схваток, а представляет целое, составленное из многих членов. В этом великом целом мы можем установить единства двойственного порядка, имеющие то значение объекта, то субъекта²². Войска организуются таким путем, что некоторая группа бойцов сводится в единство, а последнее в свою очередь непременно является членом единства более высокого порядка, и т. д. Бой каждого из этих членов также представляет более или менее обособленное единство. В одно целое весь бой объединяется его целью, т. е. его объектом. Каждое обособленное единство, которое мы можем в нем различить, называется частным боем.

Мы уже установили, что в основе всякого применения вооруженной силы лежит представление о бое. Использование же вооруженных сил представляет не что иное, как установку и распорядок²³ известного числа частных боев.

Таким образом, всякая военная деятельность имеет прямое или косвенное отношение к бою. Солдата призывают, одевают, вооружают, обучают, он спит, ест, пьет и марширует только для того, чтобы драться в свое время и в надлежащем месте.

Если, следовательно, все нити военной деятельности приводят к бою, то мы их сразу охватим, установив распорядок боя. Именно из распорядка боя и его осуществления проистекают последующие результаты, а отнюдь не непосредственно из предшествовавших бою условий. В бою вся деятельность направлена на уничтожение противника, или, вернее, его боеспособности, это содержится в самом понятии боя. Поэтому уничтожение неприятельской вооруженной силы всегда будет средством для достижения цели боя.

Целью боя также может быть простое уничтожение вооруженных сил неприятеля, но это вовсе не обязательно; цель может быть и совершенно иной. Если, как мы видели, сокрушение противника не является единственным средством для достижения политической цели, если существуют и другие объекты, к которым можно стремиться на войне в качестве цели, то само собой разумеется, что эти объекты могут стать целью отдельных военных действий, а следовательно и целью боев.

²⁰ В оригинале – Kampf. Клаузевиц вкладывал в него иногда представление не об одном бое, а обо всей боевой деятельности в целом. В дальнейшем мы будем переводить его словами: борьба или бой.

²¹ Под «сохранением» здесь Клаузевиц подразумевает работу снабжения и прочих служб.

²² Мысль Клаузевица: успех частного боя является с одной стороны целью для участвующей в нем войсковой части, с другой стороны – средством для достижения более высокой цели.

²³ Распорядок (Anordnung) боя относится Клаузевицем к тактике, установка (Feststellung) боя – к стратегии.

Мало того, даже в тех случаях, когда общей целью является сокрушение вооруженных сил неприятеля, частные бои, являющиеся элементами сокрушения в целом, не обязательно будут иметь своей ближайшей целью уничтожение вооруженных сил.

Если вспомнить о многочисленности состава крупной вооруженной силы, о множестве обстоятельств, оказывающих влияние на ее применение, то станет понятным, что и бой в целом такой вооруженной силы должен потребовать многообразных расчленений, соподчинений и сочетаний. При этом отдельным членам вооруженной силы естественно может ставиться множество частных целей, которые непосредственно не направлены на уничтожение неприятельских вооруженных сил; они будут, быть может в весьма повышенной степени, способствовать этому уничтожению, но только косвенно. Когда батальон получает, например, приказ сбить неприятеля с какого-либо места, горы и т. д., то обычно захват этих предметов представляет подлинную цель, а уничтожение находящихся там неприятельских сил будет лишь средством или побочным делом. Если неприятеля можно прогнать посредством простой демонстрации, то цель уже достигнута; но ведь обычно данный мост или гора занимаются лишь для того, чтобы достигнуть более полного уничтожения вооруженных сил противника. Если такие явления наблюдаются на поле сражения, то это же, только в значительно увеличенном масштабе, повторяется на театре войны, где друг против друга стоят уже не две армии, а два государства, два народа, две страны. Здесь число возможных соотношений, а, следовательно и комбинаций, значительно больше, распорядок может быть весьма разнообразным. Поэтому первое средство от последней цели всегда отделено на почтительное расстояние целой иерархией промежуточных целей.

Таким образом по многим причинам представляется возможным, что уничтожение противостоящего неприятеля не является целью частного боя, а лишь средством. Во всех этих случаях дело уже не идет об осуществлении такого уничтожения, ибо этот бой является не чем иным, как измерителем сил, и имеет значение не сам по себе, а лишь по своему результату, т. е. исходу.

Такое соизмерение сил при очевидном неравенстве возможно произвести и путем арифметического подсчета. В таких случаях и не произойдет боя, так как слабейший своевременно уклонится.

Следовательно, цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений.

Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе внутреннего противоречия с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать возможность такого хода войны.

Война обладает только одним средством – боем, но при разносторонности своего применения бой открывает для нашего мышления все различные пути, связанные с его многообразными целями, и наше исследование как будто не продвинулось несколько вперед. Но это далеко не так, потому что из единственности этого средства исходит путеводная нить нашего исследования, тянущаяся через всю сложную ткань военной деятельности и объединяющая ее.

Мы рассматривали уничтожение неприятельских вооруженных сил как одну из целей, которую можно преследовать на войне, оставляя открытым вопрос о том, какое значение следует ему придать среди других целей.

В каждом отдельном случае это будет зависеть от обстоятельств: в целом же этот вопрос был нами оставлен пока открытым. Теперь мы вновь к нему возвращаемся; постараемся теперь определить, какое значение надо придавать уничтожению неприятельских вооруженных сил.

Бой – это единственное действие на войне; в бою уничтожение противостоящих нам вооруженных сил есть средство, ведущее к цели. Это верно даже в том случае, когда фактически боя не происходило, потому что уклонение одной из сторон имело предпосылкой, что такое уничтожение оценивалось как несомненное. Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил лежит в основе всех военных операций. Оно – последняя точка опоры всех комбинаций, которые покоятся на нем, как свод зиждется на устоях. Все маневрирование происходит при предпосылке, что если бой, лежащий в его основе, действительно будет иметь место, то исход его должен быть благоприятным.

Бой в крупных и мелких военных операциях представляет то же самое, что уплата наличными при вексельных операциях: как ни отдаленна эта расплата, как ни редко наступает момент реализации, когда-нибудь его час наступит.

Если решение оружием составляет основу всех военных комбинаций, то из этого следует, что противник любую из них может парализовать удачным для себя боем. Нет даже надобности, чтобы этот успех был одержан противником в том самом бою, на котором мы непосредственно строили нашу комбинацию; тот же результат дает и каждый иной бой, лишь бы он был достаточно значителен: каждый крупный успех в бою, т. е. всякое уничтожение части вооруженных сил неприятеля, сказывается на всех прочих его частях; в этом отношении вооруженные силы подобны жидкости: вычерпывая последнюю в одном месте, мы понижаем общий уровень.

Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные.

Конечно, мы можем приписывать уничтожению вооруженных сил противника более высокую действенность, лишь предполагая равенство всех прочих условий. Было бы большим заблуждением сделать из вышесказанного вывод, что слепое движение напролом всегда победит искусную осмотрительность. Неискусно бросаясь напролом, мы скорее придем к уничтожению собственных вооруженных сил, а не неприятельских, чего мы конечно не имеем в виду. Более значительная роль принадлежит не пути, а цели, и мы лишь сравниваем результат достижения одной цели с результатом достижения другой.

Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, – мы это настойчиво подчеркиваем, – нас ничто не обязывает ограничивать это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно колебания его уровня легче всего распространяются по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил является его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только набирая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Риск этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, в случае неудачи обратится против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны. Это однако справедливо только при условии, что эти методы применяются с обеих сторон, а

именно, что неприятель идет теми же путями, что и мы; если он изберет путь решительного боя, мы должны будем, хотя бы против нашей воли, стать на ту же дорогу. В этом случае все будет зависеть от исхода боя на уничтожение; ясно, что при всех прочих равных условиях мы в этом бою окажемся в худшем положении, так как частично свои намерения и средства ориентировали на другие задачи, чего не сделал наш противник. Две различные цели, из которых одна не составляет части другой, друг друга исключают; следовательно сила, обращенная на достижение одной из целей, не может одновременно служить другой. Поэтому, если одна воюющая сторона решила идти по пути крупных решений силой оружия, то она уже имеет большой шанс на успех, если только уверена, что другая сторона не идет по этому пути, а хочет преследовать иную цель. Кто задается этой иной целью, поступит разумно, лишь если он имеет основание предполагать, что и его противник не ищет крупных решений силой оружия.

Все, что мы говорили об ином направлении заданий и сил, относится к позитивным целям, которыми помимо уничтожения неприятеля можно задаваться на войне, и не распространяется на чистое сопротивление, избранное с намерением истощить противника. У простого сопротивления нет позитивного задания; наши силы не могут быть отвлечены против других объектов, так как предназначены парализовать намерения противника.

Тут нам приходится рассмотреть обратную сторону уничтожения неприятельских вооруженных сил, а именно – сохранение собственных сил. Оба эти стремления всегда идут рука об руку и находятся в постоянном взаимодействии. Они представляют существенные, неотъемлемые части одного и того же намерения. Нам остается выяснить, каковы будут последствия, если то или иное стремление получит перевес.

Стремление уничтожить неприятельские вооруженные силы преследует позитивную цель и ведет к позитивным успехам, увенчанием коих должно явиться сокрушение противника.

Сохранение собственных вооруженных сил преследует негативную цель и таким образом ведет к блокированию намерений неприятеля, т. е. к чистому сопротивлению, увенчанием коего является такая затяжка продолжительности действий, которая истощит силы противника.

Стремление к позитивной цели вызывает к жизни акт уничтожения, стремление к негативной цели – побуждает выжидать.

Как далеко может и должно простираться такое выжидание, мы укажем при изложении учения о наступлении и обороне, к истоку которого мы вновь вернулись²⁴. Пока только отметим, что выжидание не должно быть совершенно пассивным, а также что в связанных с выжиданием действиях уничтожение принимающих в них участие неприятельских вооруженных сил может служить целью в такой же степени, как и всякий другой предмет. Таким образом было бы коренной ошибкой полагать, что негативное стремление непременно приводит к отказу от выбора своей целью уничтожения неприятельских вооруженных сил и к предпочтению бескровного решения. Перевес негативного стремления конечно может подать к этому повод, но такое решение всегда сопряжено с риском не попасть на правильный путь; последнее зависит от условий, находящихся не в нашей власти, а во власти противника. Этот иной, бескровный путь борьбы никоим образом не может рассматриваться как естественное средство удовлетворения преобладающей заботы – сохранения наших вооруженных сил; напротив, если этот путь не будет соответствовать обстановке, то поведет только к их полной гибели. Очень многие полководцы впадали в такую ошибку и губили себя. Единственно логические последствия перевеса негативного стремления это – отсрочка решения, в известной степени постановка себя под защиту выжидания решающего момента.

Обычным последствием этого, насколько позволяет обстановка, является откладывание действий во времени; а поскольку с этим связано пространство, то и отодвигание его и в про-

²⁴ В данном издании не приводится. (Прим. ред.)

странстве. Но при наступлении момента, когда без существенного ущерба откладывать решения нельзя, выгоды негативного метода действий должны считаться исчерпанными и в этот момент неизменно должно выступить стремление – уничтожить неприятельские вооруженные силы, стремление, сдерживавшееся до того противовесом, однако никогда окончательно не вытеснявшееся.

Из предыдущего мы видим, что на войне многие пути ведут к успешному концу – к достижению политической цели; но средство для этого только одно бой; поэтому все подчинено высшему закону: решение силой оружия. Там, где противник фактически апеллирует к нему, отказываться от этой высшей инстанции нельзя. Воюющая сторона, желающая идти иным путем, должна быть уверена, что противник апеллировать не будет или проиграет свой процесс в этой высшей инстанции. Словом, уничтожение неприятельских вооруженных сил первенствующая и преобладающая цель из всех, которые могут преследоваться на войне.

Что могут дать на войне другого рода комбинации, мы узнаем впоследствии и, разумеется, лишь постепенно. Здесь мы ограничиваемся одним общим признанием их возможности как чего-то, являющегося отклонением действительности от отвлеченного понятия войны и вызванного индивидуальными обстоятельствами. Но мы тут же должны подтвердить, что кровавое разрешение кризиса, стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил первородный сын войны. Пусть осторожный полководец при ничтожных политических целях, при слабых мотивах, незначительном напряжении сил искусно нащупывает на поле сражения и в тиши кабинета пути, ведущие к миру, без крупных кризисов и кровавой развязки утилизирует специфически слабые стороны армии и правительства противника. Если его предположения достаточно мотивированы и дают основание рассчитывать на успех, мы не вправе его за это укорять, однако должны потребовать, чтобы он все время помнил, что идет обходными тропами, где его может настигнуть бог войны. Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только фантовскую шпагу.

Мы обрисовали, что представляет собой война, каковы ее цели и средства, как она в изгибах действительности то больше, то меньше удаляется от начального абстрактного понятия, все время, однако, оставаясь в черте его влияния и контролируемая высшим законом решения силой оружия. Выводы из сказанного мы должны закрепить в нашем сознании и всякий раз иметь в виду при рассмотрении последующих вопросов, если мы хотим понять подлинные отношения между ними и своеобразное значение каждого из них и не впадать в вопиющее противоречие с действительностью, а в конце концов и с самим собой.

Глава третья. Военный гений

Каждая специальная деятельность, занятие которой требует известных достижений, мастерства, нуждается в особых умственных и душевных способностях. Когда они проявляются в высокой степени и свидетельствуют о себе исключительными достижениями, дух, одаренный ими, называется гением.

Мы хорошо знаем, что это слово по широте своего смысла и по придаваемому ему толкованию применяется в весьма различном значении и что во многих случаях нелегко выразить на словах сущность гения; но так как мы не претендуем ни на звание философа, ни на звание словесника, то да будет нам позволено остановиться на значении этого понятия, принятом при обычном словоупотреблении, и под термином гения понимать чрезвычайно повышенную духовную способность к известного рода деятельности.

Чтобы объяснить это понятие и ближе ознакомиться с его содержанием, необходимо несколько остановиться на этой способности, на этом высоком качестве духа. Но мы не можем ограничиваться тем, кто отмечен необычайно высоким талантом, — на гении в собственном смысле этого слова, ибо это понятие не имеет точно определенных границ; мы будем рассматривать вообще духовные силы, совокупно направленные на военную деятельность, в которых мы вправе видеть сущность военного гения. Мы говорим «совокупность», ибо военный гений не является какой-либо одной способностью (например, мужеством) при отсутствии других умственных и духовных способностей или при неприменимой для войны их ориентировке; напротив, он представляет гармоническое сочетание способностей, из которых та или другая преобладает, но ни одна не становится поперек другой.

Если бы от каждого из бойцов мы потребовали, чтобы он в большей или меньшей степени был военным гением, то наши армии были бы очень малочисленны²⁵. Военный гений обуславливается своеобразным направлением духовных сил, и он может лишь редко встречаться в том народе, где к духовным способностям предъявляют самые разносторонние требования и где они получают весьма многогранное развитие. Чем менее разнообразна деятельность народа, чем больше у него преобладает военная деятельность, тем чаще должен встречаться военный гений. Но это определяет только его распространение, а не его высоту, так как последняя зависит от общего духовного развития данного народа. Если мы взглянем на первобытный воинственный народ, то мы найдем, что в нем воинственный дух гораздо более распространен среди отдельных лиц, чем у цивилизованного народа, потому что у первого им обладает почти каждый воин, тогда как среди цивилизованных людей многие делаются воинами лишь по необходимости, а не по внутреннему влечению. Однако у первобытных народов никогда не встречается подлинно великого полководца и лишь крайне редко — то, что можно было бы назвать военным гением; для этого требуется такое развитие умственных способностей, каким дикий народ обладать не может.

Само собою разумеется, что у цивилизованных народов могут быть более или менее сильные военные наклонности и стремления, и чем они сильнее, тем чаще наблюдается воинственный дух в их армии и у отдельных лиц. А так как здесь это совпадает с высшими степенями духовного развития, то самых блестящих военных деятелей мы находим именно у таких народов; доказательством могут служить римляне и французы²⁶. Но величайшие имена полковод-

²⁵ В истории человечества немало эпох, когда профессионализация армии имела в виду именно эту мысль — о каждом бойце, как о самостоятельной тактической единице.

²⁶ Весьма показательные для Клаузевица и его эпохи примеры, отражающие и его кругозор, и готовность к аксиоматическим заявлениям. (Прим. ред.)

цев у этих и других народов, прославивших себя на войне, появились лишь в период их подъема на высокую ступень цивилизации²⁷.

Уже это одно указывает, какую крупную роль играют умственные способности для высших степеней военного гения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Война – область опасности, следовательно, мужество – важнейшее качество войны.

Мужество бывает двух родов: во-первых, мужество в отношении личной опасности, а во-вторых мужество в отношении ответственности перед судом какой-нибудь внешней власти, или же внутренней – совести. Здесь речь идет лишь о первом.

Мужество по отношению личной опасности в свою очередь бывает двух родов: прежде всего – человек может быть равнодушен к опасности в силу личных свойств, вследствие пренебрежения к жизни или по привычке; во всяком случае это будет как бы постоянное состояние.

Во-вторых, мужество может исходить из положительных побуждений, каковы, например, честолюбие, любовь к родине, всякого рода воодушевление; в этом случае мужество – не состояние, а проявление настроения, чувств.

Понятно, оба эти вида мужества проявляются различно. Первый вид надежнее; сделавшись второй природой, он никогда не покидает человека; второй – часто дает более высокие результаты; с первым связана стойкость, со вторым – отвага; при первом – разум остается трезвым, при втором иногда изощряется, но порою и ослепляется. Совпадая, оба эти вида дают самый совершенный тип мужества.

Война – область физических усилий и страданий; чтобы не изнемочь под их бременем, нужны духовные и физические силы (врожденные или приобретенные – безразлично), делающие человека способным переносить испытания. Человек, обладающий этими качествами, соединенными со здравым рассудком, – отличное орудие для войны; эти свойства особенно распространены среди первобытных и полудивилизованных народов.

Продолжая наше исследование, мы найдем, что война требует от своих адептов выдающихся умственных сил. Война – область недостоверного: три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, и следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, проницательный ум.

Иной раз заурядный ум может случайно напасть на истину, другой раз выдающаяся храбрость может загладить промах, но на общем уровне успехов недостаток ума в большинстве случаев непременно скажется.

Война – область случайности: только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так с ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий.

Недостоверность известий и постоянное вмешательство случайности приводят к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем ожидал; это не может не отражаться на его плане или по крайней мере на тех представлениях об обстановке, которые легли в основу этого плана. Если влияние новых данных настолько сильно, что решительно отменяет все принятые предположения, то на место последних должны выступить другие, но для этого обычно не хватает данных, так как в потоке деятельности события обгоняют решение и не дают времени не только зрело обдумать новое положение, но даже хорошенько оглядеться. Впрочем, гораздо чаще исправление наших представлений об обстановке и ознакомление с встретившейся случайностью оказываются недостаточными, чтобы вовсе опрокинуть наши намерения, но могут все же их поколебать. Знакомство с обстановкой растет, но

²⁷ Можно было бы привести огромное количество контрпримеров, которые сразу же поставили бы вопрос о критериях понятия о «высоком уровне цивилизации». Очевидно, однако, что Чингисхана к великим полководцам Клаузевиц, в самоуверенности своей, таким образом не относил. (Прим. ред.)

наша неуверенность не уменьшается, а, напротив, увеличивается. Причина этого заключается в том, что необходимые сведения получаются не сразу, а постепенно. Наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных, и наш дух все время должен оставаться во всеоружии.

Чтобы успешно выдержать эту непрерывную борьбу с неожиданным, необходимо обладать двумя свойствами: во-первых, умом, способным прорезать мерцанием своего внутреннего света сгустившиеся сумерки и нащупать истину; во-вторых, мужеством, чтобы последовать за этим слабым указующим проблеском. Первое свойство образно обозначается французским выражением «*coup d'oeil*»²⁸, второе – решимость.

Бои на войне прежде и чаще всего привлекают наше внимание. В боях же время и пространство – важные элементы. В те времена, когда решительные действия конницы на полях сражений играли первенствующую роль, в понятии о быстром и находчивом решении на первый план выдвигалась правильная оценка времени и пространства; отсюда получилось это выражение, подчеркивающее лишь правильный глазомер. Многие писавшие о военном искусстве определили его в этом узком смысле. Но нельзя не заметить, что вскоре под ним стали подразумевать все удачные решения, принятые в самый момент выполнения, например правильный выбор пункта атаки и пр. Отсюда в выражении «*coup d'oeil*» часто разумеется не просто физический глаз, но духовное око.

Естественно, что это выражение и его значение преимущественно относится к области тактики; однако без него нельзя обойтись и стратегии, поскольку и в ней нужны быстрые решения. Если совлечь с этого понятия то, что ему придает оттенок чрезмерно образного и ограниченного, то оно будет означать не что иное, как быстрое улавливание истины, или совершенно непостижимой для среднего ума, или дающейся ему после продолжительного рассмотрения и обдумывания.

В каждом отдельном случае решимость – проявление мужества; когда же она становится постоянным свойством характера, она представляет духовный навык. Здесь имеется в виду не мужество перед лицом физической опасности, а мужество в отношении ответственности, так сказать, перед лицом моральной опасности. Этот вид мужества часто называли *courage d'esprit*²⁹, потому что он имеет своим источником рассудок; тем не менее он – проявление характера, а не рассудка. Голая рассудительность – далеко еще не мужество; часто самые рассудительные люди не обладают решимостью. Сперва рассудок должен пробудить ощущение мужества, которое затем будет его поддерживать и нести на своих плечах, ибо при быстром натиске событий над человеком господствуют скорее чувства, нежели мысли.

Итак, мы называем решимостью способность, в обстановке действий при недостаточных данных, устранять муки сомнений и опасности колебаний. При не вполне точном словоупотреблении решимостью называются и простая склонность к риску, смелость, отвага, дерзость. Однако в тех случаях, когда у человека есть достаточные данные (безразлично – субъективные или объективные, основательные или необоснованные), говорить о его решимости нет никаких оснований, потому что решимость предполагает сомнения, которых здесь нет.

При достаточных данных речь может идти только о силе или слабости. Мы не настолько педантичны, чтобы вступать в пререкания по поводу небольшой неточности обычного словоупотребления; наше замечание имеет целью лишь устранить возможные неправильные возражения.

Итак, решимость, побеждающая состояние сомнения, может быть вызвана только разумом, притом своеобразным его устремлением. Мы утверждаем, что наличие широкого кругозора в соединении с мужеством еще не составляют решимости. Бывают люди, обладающие самым проницательным духовным взором; при решении труднейших задач у них нет недо-

²⁸ Понятие, среднее между интуицией и глазомером.

²⁹ Буквально: мужество ума. (фр.)

статка в мужестве, они готовы многое взять на себя, но в трудные минуты они все-таки не могут принять никакого решения. Их мужество и проницательность стоят порознь, не протягивают друг другу руки и потому не производят третьего свойства решимости. Последняя порождается лишь актом разума, осознавшего необходимость риска и тем побудившего волю. Этот своеобразный склад ума, побеждающий в человеке всякий иной страх страхом перед колебаниями и медлительностью, и есть то, что вырабатывает в сильных характерах решимость; поэтому люди, обладающие ограниченным умом, не могут быть решительными в нашем смысле. Они могут действовать в затруднительных случаях без колебаний, но тогда они это делают необдуманно, а у того, кто действует необдуманно, не может быть борьбы с самим собою вследствие каких-либо сомнений.

Такой способ действия может порою оказаться удачным, но мы вновь повторяем: только по общему уровню успехов можно судить о гениальности. Если наше утверждение покажется странным кой-кому, кто знает иных гусарских офицеров, полных решимости, которых однако нельзя почтить за глубоких мыслителей, тому мы напоминаем, что здесь говорится об особом направлении ума, а не о выдающейся мыслительной способности вообще.

Поэтому мы полагаем, что решимость обязана своим существованием особому складу ума и притом такому, который свойствен скорее мощным, чем блестящим умам; мы можем подтвердить такую родословную решимости еще тем, что существует множество примеров, когда люди, проявлявшие на младших должностях величайшую решимость, утрачивали ее на высших. Они чувствуют необходимость принять решение, но сознают и опасность, заключающуюся в неправильном решении; а так как они не могут охватить порученное им дело, то их разум теряет прежнюю силу и они становятся тем более робкими, чем яснее сознают опасность нерешительности, которая их сковывает, и чем больше они привыкли действовать смело, сплеча.

При рассмотрении понятий «*coup d'oeil*» и решимости мы вплотную подошли к родственному понятию – к присутствию духа, играющему в царстве неожиданного, каким является война, большую роль: оно не что иное, как повышенная способность преодолевать неожиданное. Присутствием духа восхищаются и при метком ответе на неожиданный вопрос, и при быстром и находчивом действии при внезапной опасности. Этот ответ или действие могут и не представлять чего-нибудь необыкновенного, лишь бы оказались к месту. То, что по зрелому и спокойному обсуждению представляется чем-то вполне обыкновенным и не производит впечатления, нравится как результат мгновенной находчивости. Самое выражение – присутствие духа – весьма метко обозначает близость и скорость оказанной разумом помощи.

Следует ли приписать это дивное качество человека преимущественно особому складу ума или общей уравновешенности, – зависит от природы данного случая, но наличие того и другого безусловно необходимо. Меткий ответ скорее говорит об остром уме, удачное мероприятие при внезапной опасности предполагает духовную уравновешенность.

Если мы бросим общий взгляд на 4 элемента, образующие атмосферу, в которой протекает война, – опасность, физическое напряжение, неизвестность и случайность, то станет легко понятным, что требуется большая духовная и умственная сила, чтобы среди этой стихии уверенно и успешно продвигаться вперед. Эта сила в зависимости от форм, принимаемых ею при различных обстоятельствах, в устах рассказчиков и составителей отчетов о военных действиях получает название энергии, твердости, стойкости, силы духа, или характера.

Все эти различные проявления героической натуры можно было бы рассматривать как одну и ту же силу воли, которая в зависимости от обстоятельств принимает различные формы; но как ни близки между собой эти понятия, все же они различны по содержанию; в интересах нашего исследования разобраться в них несколько точнее.

Для большей ясности укажем, что тяжесть, бремя или противодействие (назовите как хотите то, что вызывает напряжение духовных сил в начальнике) является в весьма малой сте-

пени результатом непосредственных мероприятий противника – его сопротивления и поступков. Противник, во-первых, непосредственно воздействует только на личность командира, но не вмешивается в его деятельность как вождя. Когда неприятель оказывает сопротивление не 2 часа, а 4, то начальник подвергается личной опасности 2 часами дольше; но размеры опасности тем меньше, чем выше положение начальника. Для главнокомандующего она равна нулю³⁰.

Во-вторых, упорное сопротивление неприятеля непосредственно влияет на начальника вследствие потерь в боевых средствах и связанной с этим ответственности. Озабоченность, вызываемая этими обстоятельствами, первая подвергает испытанию силу воли вождя и вызывает ее напряжение. Но мы утверждаем, что это далеко не самое тяжелое бремя, которое ему приходится нести, ибо в этом случае ему приходится справиться только с самим собой. Все прочее воздействие, оказываемое сопротивлением неприятеля, направлено на руководимых им бойцов и уже через них влияет на вождя.

До тех пор пока войска, исполненные мужеством, сражаются бодро и охотно, начальнику редко представляется повод проявить значительную силу воли при преследовании своей цели; но когда возникнут затруднения, а это случится, как только от войск потребуется чрезвычайное напряжение, то дело уже не будет идти само собой как хорошо смазанная машина; напротив, сама машина начнет оказывать сопротивление, и для его преодоления потребуются от начальника огромная сила воли. Под этим сопротивлением следует разуместь не прямое неповиновение или возражение, хотя в отдельных случаях и это имеет место, а общее впечатление упадка физических и моральных сил и муки сознания при виде кровавых жертв; начальнику придется бороться с ними внутри себя, а затем и среди подчиненных, передающих ему посредственно или непосредственно свои впечатления, настроения, беспокойства и стремления. По мере того как силы отдельных индивидов начинают падать, их уже не увлекает и не поддерживает собственная воля; все бремя инертности массы постепенно перекладывается на волю начальника; пламенем своего сердца, светочем своего духа он должен вновь воспламенить жар стремления у всех остальных и пробудить у них луч надежды; лишь поскольку он в состоянии это сделать, постольку он остается над массами, их властелином. Если этого нет, если его собственное мужество оказывается уже недостаточным, чтобы снова оживить отвагу всех остальных, масса увлечет его за собой, в низменную область животной природы, бегущей от опасности и не знающей позора. Вот то бремя, которое мужество и сила духа вождя должны преодолевать в течение борьбы, если он стремится совершить выдающееся.

Это бремя нарастает вместе с ростом масс, а следовательно и сил; чтобы они соответствовали растущему бремени, у начальника должно быть их тем больше, чем выше занимаемый им пост.

Энергия действий отражает силу побуждений, которыми действия вызваны, причем побуждения могут иметь источником как убеждения разума, так и эмоцию духа. Последняя является необходимой, если требуется проявление крупных усилий.

Из всех высоких чувств, наполняющих человеческое сердце в пылу сражения, ни одно, надо признаться, не представляется таким могучим и устойчивым, как жажда славы и чести, которые так несправедливо унижаются в немецком языке заменой их двумя недостойными суррогатами: честолюбие, славолубие. Правда, злоупотребление этими гордыми стремлениями на войне обусловило самые возмутительные поступки по отношению к людскому роду; но по своему истоку эти чувства конечно принадлежат к числу наиболее благородных, какие только свойственны человеческой природе. На войне они подлинное дыхание жизни, одухотворяющее огромное тело. Все остальные чувства, кажущиеся очень распространенными и воз-

³⁰ Точнее, «должна быть равна нулю». Тем не менее, ряд примеров указывает, что может быть и не так. И не только из военной истории Античности и Средневековья. Достаточно вспомнить излюбленных Клаузевицем Густава Адольфа и Карла XII, а из более поздней истории Наполеона III под Седаном. (Прим. ред.)

вышенными – любовь к отечеству, фанатизм, чувство мести, всякого рода воодушевление, – не исключают необходимости в жажде славы и чести. Другие чувства конечно могут в общем возбудить толпу и повысить ее настроение. Но они не внушат вождю воли, сильнейшей, чем воля его спутников, что существенно необходимо, если он должен добиваться исключительных результатов. Другие чувства не превращают, подобно честолюбию, боевые успехи войск в личную собственность вождя, в которую последний вкладывает все свои силы: он усердно пашет, тщательно сеет, и он же собирает обильную жатву. Именно это стремление всех начальников, начиная с высшего и кончая низшим, этого рода промышленность, эта конкуренция и прищипоривание возбуждают дееспособность войск и обеспечивают им успех. Бывал ли когда-нибудь великий полководец без честолюбия, и мыслимо ли подобное явление?

Твердость означает сопротивляемость воли силе единичного удара, а стойкость – сопротивляемость продолжительности натиска. Эти качества очень близки, и часто одно выражение употребляют вместо другого; однако нельзя не отметить заметного различия между ними: твердость по отношению к единичному сильному впечатлению может опираться только на силу чувств, стойкость же нуждается в большей мере в поддержке разума, так как она черпает свою силу в планомерности, с которой связана всякая продолжительная деятельность.

Обратимся теперь к силе темперамента. Прежде всего возникает вопрос, что мы под этим подразумеваем. Конечно не пылкие и страстные порывы – это противоречило бы общепринятому словоупотреблению, – а способность повиноваться рассудку даже в момент величайшего возбуждения, в вихре самых бурных страстей. От одной ли силы разума зависит эта способность? Мы в этом сомневаемся. Тот факт, что встречаются люди с выдающимися умственными способностями, но не владеющие собой, не может конечно служить доказательством противного. На это можно было бы возразить, что здесь требуется особый склад ума, пожалуй, не такой всеобъемлющий, но более крепкий.

Мы будем ближе к истине, если предположим, что одним из свойств самого темперамента является способность подчиняться рассудку даже в момент наиболее бурных волнений; эту способность мы назовем самообладанием. Но есть совершенно особое чувство, которое у сильных духом вносит известное равновесие в разбушевавшиеся страсти, не ослабляя их однако; и тем самым обеспечивает господство разума. Этот противовес – чувство человеческого достоинства, благороднейший вид гордости и глубочайшая душевная потребность действовать всегда и всюду как существо, одаренное прозорливостью и разумом.

Поэтому мы скажем: сильный темперамент – у того, кто не теряет равновесия даже в моменты величайшего возбуждения.

Рассматривая отдельных людей с точки зрения их темперамента, мы, во-первых, заметим людей мало восприимчивых, называемых флегматиками, или апатичными; во-вторых, очень впечатлительных, но чувства которых никогда не выходят за пределы определенной степени интенсивности, людей чувствительных, но спокойных; в-третьих, встречаются люди крайне возбудимые, чувства которых вспыхивают быстро и бурно, как порох, но на короткое время; наконец, в-четвертых, людей, не поддающихся малым впечатлениям и вообще раскачивающихся только постепенно, но чувства которых сильны и устойчивы. Это – люди сильных, глубоких и скрытых страстей. Корни этих различных темпераментов, по-видимому, протягиваются к грани, на которой соприкасаются физическая и духовная природа человеческого организма; темперамент находится в зависимости от нервной системы этой амфибии, одной своей стороной обращенной к материи, другой же – к духу. Нам с нашей слабой философской подготовкой не приходится дольше останавливаться на этом темном и сложном вопросе, но важно вкратце отметить, как проявляются эти различные натуры в сфере военной деятельности, и можно ли от них ожидать значительной духовной силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.